

Катасонова Елена Леонидовна
Проект «Российское востоковедение – устная история»

Yelena L. Katasonova
“Russian Orientology – Oral History” Project

<p>Катасонова Елена Леонидовна (ЕК), японовед, д.и.н., руководитель центра японских исследований ИВ РАН</p> <p>Дата: сентябрь 2021 г., 1 января 2022 г. Место: Москва Вели интервью: Романова Н.Г. (НР), Головачев В.Ц. (ВГ) Запись интервью: Моева Д. Редактирование: Головачев В.Ц., Куланов А.Е., Русанова М.А. Комментарии и примечания: Головачев В.Ц., Русанова М.А. Продолжительность: 3 часа</p>	<p>Yelena L. Katasonova Japanologist, Full Doctor (History), Head of the Japan Studies Center, Institute of Oriental Studies</p> <p>Date: September 2021, January 1, 2022 Place: Moscow Hosts: Natalya G. Romanova, Valentin Ts. Golovachev Recorded by: Darya Moyeva Editing: Valentin Ts. Golovachev, Alexander Eu. Kulanov, Marina A. Rusanova Comments & footnotes: Valentin Ts. Golovachev, Marina A. Rusanova Duration: 3 hours</p>
---	---

Катасонова Елена Леонидовна (1950 г.р.). Японовед, литературовед, историк, культуролог. К.ф.н. (1983, Институт Востоковедения АН СССР), д.и.н. (2004, Институт военной истории МО РФ). Руководитель Центра японских исследования ИВ РАН. Окончила ИСАА МГУ (1973, специальность «востоковед-филолог»). Сотрудник Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, секретарь Общества дружбы «СССР-Япония» (1973–1987), ИВ РАН (с 1986). Исполн.

секретарь Комитета XXI в. по развитию связей с Японией (2000–2005), исполн. секретарь российской Ассоциации японоведов (2000–2003). Тема докторской диссертации «Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношении СССР (РФ) и Японии (1945–2000 гг.)». Прочие сферы исследований: японская культура (литература, кино, мода, массовая культура) и др. Автор монографий: «Японские корпорации: культура, благотворительность, бизнес» (1992), «Японские военнопленные в СССР: Большая игра великих держав» (2004), «Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы советско-японских отношений»

(2005), «Японские военнопленные в СССР: 1945–1956. Сборник документов» совместно с Гавриловым В.А. М., фонд «Демократия» (2013), «Японцы в реальном и виртуальном мирах. Очерки современной японской массовой культуры» (2013), «Новое японское кино: в споре с классикой экрана». Очерки современной японской массовой культуры (2020).

НР: Здравствуйте, Елена Леонидовна!

ЕК: Здравствуйте!

НР: Хотелось бы поговорить сегодня про вашу судьбу ученого, спросить о самых интересных, значимых событиях и моментах вашей жизни и научной деятельности как известного японоведа – историка, филолога и культуролога, посвятившего долгие годы изучению Японии. Как начиналось это изучение?

ЕК: Спасибо за возможность вновь вернуться в воспоминаниях в лучшие годы моей жизни! Но наш разговор я хотела бы начать не с рассказа о своих научных изысканиях и не с судьбы учёного-японоведа, к чему, надеюсь, мы обратимся позднее, а, скорее, с первых шагов японоведа-практика. Дело в том, что после окончания университета я сразу окунулась в непростую реальность российско-японских, а тогда ещё советско-японских отношений, поступив на работу в Общество дружбы «СССР-Япония». Эта работа оказалась не только интересной, но и близкой мне по духу. И даже сегодня, занимаясь профессиональным изучением Японии, её истории, культуры, российско-японскими отношениями, я продолжаю участвовать в ряде общественных и культурных совместных проектов с японскими организациями, поддерживать контакты со многими своими японскими коллегами, давними знакомыми, друзьями. Это стало неотъемлемой частью моей жизни и моей профессии. Как говорится, живу на стыке теории и практики.

НР: И всё-таки, вернёмся к вопросу о том, с чего началось ваше увлечение Японией. Расскажите, пожалуйста, про свою семью, родителей, про ваши корни, потому что это интересно и важно!

ЕК: В моей жизни вроде бы ничего не предвещало, что я стану японоведом и найду своё призвание в такой достаточно редкой области знаний. Мои родители были «технарями» и вместе работали на крупном авиационном заводе в Москве. Папа отвечал за качество продукции, занимая должность главного контролёра предприятия, что не мешало ему совмещать эту ответственную работу с активной общественной деятельностью, к которой он «прикипел» ещё с комсомольских времен. Мама же всегда была его

надежным тылом, и после моего рождения ушла с производства, полностью погрузившись в домашний быт и моё воспитание.

Моя семья: я с мамой и бабушкой, папа, дедушка

НР: Как звали ваших родителей и как они познакомились друг с другом?

ЕК: Папа – Александров Леонид Дмитриевич, мама –Александрова Евгения Федоровна, урожденная Жданова. Познакомились они ещё во время войны в Москве, куда мама приехала из блокадного Ленинграда вместе со своей

старшей сестрой Марией и своей матерью – моей бабушкой. Ехали они по печально известной «Дороге жизни», захватив с собой старинный самовар, который спасал и их самих, и их попутчиков от холода и голода. Я бережно храню эту семейную реликвию и по сей день! Мама не любила говорить о войне, но иногда всё же вспоминала, как они вместе с сестрой вместо учебы копали траншеи на подступах к Ленинграду, дежурили на крышах домов, спасая людей от пожаров, а потом и вовсе перешли работать на завод, с которым вся семья и была эвакуирована в Москву. Мой дедушка по маме сразу же пошёл на фронт, был ранен, но дошёл до Берлина, а затем работал в школе. О папиных родных мне известно куда меньше. Знаю только, что его мама – моя вторая бабушка – была родом из старинного польского рода, но жизнь её сложилась трагично. Порой нужда доходила до того, что она вынуждена была отдавать свои фамильные драгоценности за хлеб и картошку, чтобы прокормить своих детей. Папа рассказывал, что в годы войны она жила в Смоленске. Там она и погибла во время немецких бомбардировок. Так что история моей семьи никак не связана с Востоком, но зато тесно связана с войной, которая стала потом главной темой моих научных исследований.

Первый день в школе

НР: Но обращение к военной теме произошло уже в середине вашего научного пути. А с чего всё начиналось? Почему вы заинтересовались Востоком, стали изучать Японию? Кто привил вам интерес к этим странам?

ЕК: Я никогда не задавала себе этот вопрос, но сегодня вместе с вами постараюсь разобраться в нём! Моё взросление совпало с периодом «оттепели», когда наша страна открылась миру, и мир повернулся к нам. По радио и телевидению стали транслировать передачи об увлекательных путешествиях в другие страны, звучала иностранная музыка, в кинотеатрах демонстрировались зарубежные фильмы, на книжных полках появились переводы прежде недоступных мировых бестселлеров. Поэтому профессия переводчика стала в те годы не только одной из самых востребованных, но и престижных. Она была вся окутана романтикой, перекликалась с юношескими мечтами о дальних странах. И моя мама мечтала увидеть меня именно в этой роли. И, тем не менее, мое образование началось с музыкальной школы, что стало для пятилетнего ребенка немалым испытанием. Так не хотелось разучивать гаммы, когда вся детвора играла во дворе. Но прошло время, надо было задумываться, куда идти после школы. Ребята из нашего двора – те, что постарше, готовились к поступлению в престижный тогда вуз – Институт иностранных языков, легендарный «Иняз», который был у всех на слуху¹. Наверное, и я вслед за ними отправилась бы по этому пути, тем более что училась в то время в известной на всю Москву экспериментальной школе №710 при Академии педагогических наук, в классе с углубленным изучением английского языка. Но неожиданно всё пошло не по намеченному сценарию! Однажды я случайно оказалась на «Днях открытых дверей» в *Институте восточных языков (ИВЯ)*², созданном в 1956 году на базе МГУ. Туда поступил наш сосед по лестничной площадке, который изучал редкий язык урду. У него-то мне и удалось выудить всю самую важную для абитуриента информацию. А ещё мне очень нравились песни на восточных языках в исполнении студентов из джаз-бэнда ИВЯ, которые в те годы часто выступали в молодёжных телепрограммах!

НР: Но почему Вас всё-таки заинтересовал именно Восток?

ЕК: Шел 1968 год. О странах Востока в СССР тогда знали ещё меньше, чем о Западе, но Япония была у многих на слуху! Эту популярность, думаю, можно

---

1 Московский госуд. пед. институт иностр. языков им. Мориса Тореза (МГПИИЯ им. М. Тореза); позже – Московский госуд. институт иностр. языков им. Мориса Тореза (МГИИЯ им. М. Тореза (с 1987).

2 *Институт восточных языков (ИВЯ)* – ныне Институт стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М.В. Ломоносова.

объяснить успешно проведённой в 1964 году Токийской Олимпиадой, не говоря уже о первых транзисторах и других чудесах японской электроники, которые стали появляться на советском рынке. Япония переживала период высоких темпов экономического роста и восхищала мир своими техническими достижениями. Но лично меня в этой стране привлекало другое – её мелодичные песни, утонченные красавицы в нарядных кимоно и потрясающие виды заснеженной горы Фудзи на традиционных японских гравюрах – то есть, как я понимаю теперь, тот типичный набор японской экзотики, которым до сих пор привлекают туристов. При этом меня интересовала не только Япония, но и Индия, наверное, прежде всего, из-за популярности индийского кино. Так что мой выбор будущей профессии был во многом стихийным и не до конца осозанным. Да и конкурс среди абитуриентов оказался очень высоким, так что шансов поступить в институт, как мне казалось тогда, было немного.

Е.Л. Катасонова – студентка

НР: Но вы всё же прошли по конкурсу и поступили?

ЕК: Да, свершилось чудо! После успешной сдачи двух экзаменов, благодаря серебряной медали, я стала первой студенткой, зачисленной в институт,

причём именно на кафедре японской филологии, куда в те годы был самый большой наплыв абитуриентов! Так началась моя студенческая жизнь, полная радостей и огорчений!

НР: Ваша радость понятна! Но что же могло огорчать Вас?

ЕК: Помню, как, буквально заливаясь слезами, я сидела на скамейке возле института и без остановки выдавливала из себя японский слог «си», а, вернее, что-то среднее между «си» и «ши». Вспомните слово «суси»! Да, именно «суси», а не «суши», что распространено теперь повсеместно, поскольку пришло к нам из Японии через Европу, впрочем, так же как «Мицубиси» и много другое. А потом мы стали изучать иероглифы, и это уже другая история – тренировка памяти, образного мышления и выработка усидчивости и внимания. Но и эта, недоступная на первых порах вершина была со временем покорена!

НР: Преодолена, несмотря на все огорчения! Кто преподавал Вам в те годы?

ЕК: У нас были отличные учителя: *Головнин И.В.*³, *Маевский Е.В.*⁴, *Стрижак Л.А.*⁵, *Шефтелевич Н.С.*⁶, *Навлицкая Г.Б.*⁷, *Гривнин В.С.*⁸ и др. Но особенно я любила уроки по истории японской литературы, которые вела *Иоффе И.Л.*⁹ – большой знаток классической японской литературы,

---

3 *Головнин Иван Васильевич* (1922–1995). Японец-лингвист, доцент (1963), профессор (1975), д.ф.н., Засл. деятель науки РСФСР (1980). Автор учебника яп. языка, В военные и послевоенные годы – военный переводчик, работал с яп. пленными. Преподавал в Ин-те иностранных языков при МГУ (с 1962), заведовал каф. языков и литератур стран Дальнего Востока (позднее – каф. яп. филол. ИСАА МГУ). Зав. филол. отделением (1968–1982), декан ист.-филол. фак-та ИВЯ–ИСАА (1965–1968). Кавалер орденов Красной Звезды, «Знак Почёта» и одной из высших наград Японии – ордена «Священного сокровища 3-й степени».

4 *Маевский Евгений Викторович* (1944–2008). Японец-лингвист, культуролог, к.ф.н., докт. культурологии. Профессор. Зав. кафедрой японской филологии ИСАА МГУ. Автор более 59 статей по лингвистике и культурологии.

5 *Стрижак Леон Абрамович* (1927–2009). Японец. Старший переводчик (с 1960), преподаватель (с 1965), доцент (с 1991) каф. яп. филол. ИВЯ МГУ. Награждён знаком «Почётный работник высшего проф. образования РФ» (2000), яп. «Орденом Восходящего Солнца» (2005).

6 *Шефтелевич Наталья Сергеевна* (1941–2010). Японец, преподаватель яп. языка в ИСАА МГУ. Автор неск. учебных пособий.

7 *Навлицкая Галина Брониславовна* (1928–2021). Японец, д.и.н. Сотрудник и преподаватель ИСАА МГУ. Специалист по японской урбанистике, истории.

8 *Гривнин Владимир Сергеевич* (1923–2014). Японец, литературовед, переводчик, д.ф.н. Военный переводчик, спец. по переводам соврем. яп. литературы. Автор монографии «Акутагава Рюноске. Жизнь. Творчество. Идеи» и ок. 150 публикаций по соврем. яп. литературе, культуре и методике преподавания.

9 *Иоффе Ирина Львовна* (1915–1989). Японист, критик, литературовед, переводчик, к.ф.н. (1949). Жертва репрессий (1938). Преподаватель и зав. каф. литературоведения в Военном

великолепный переводчик, литератор, известная под псевдонимом Ирина Львова. Именно она привила мне особый интерес к Японии, к её истории и культуре и, возможно, даже вкус к исследовательской работе. Иоффе была ученицей академика *Конрада Н.И.*¹⁰, и, как и её учитель, в сталинское время оказалась в тюремных застенках. Она была элегантна и строга, курила сигареты и говорила медленно, низким голосом. Никогда не забуду, как она называла меня, впрочем, как и других своих учеников, «деточкой». В излишней сентиментальности и мягкости её никак нельзя было заподозрить. Но как щедро она делилась своими знаниями со своими учениками, с какой заботой о нас она приносила из дома японские куклы, маски, открытки и другую японскую всячину и с любовью рассказывала о каждом таком, удивительном для нас, предмете! В те годы она часто бывала в Японии в составе делегаций Союза писателей. А после этого показывала нам много фотографий, сделанных во время этих поездок – на фоне храмов и сакуры. Любуясь всем этим великолепием, я часто думала про себя: «Боже мой, если мне когда-нибудь посчастливится хоть пять минут постоять на этой земле!...».

НР: И это случилось?

ЕК: И не раз! Сколько раз я была в Японии, не скажу: просто перестала считать. И это не позёрство! Правда, теперь из-за коронавируса вновь, как когда-то, охватывает беспокойство по поводу того, попаду ли я туда ещё когда-нибудь. Для японоведа это тяжёлое испытание: не видеть «свою страну» и не наблюдать воочию то, что там происходит. Ведь Япония не перестаёт меняться буквально на глазах!

И.: Как вы представляли Японию, участь в институте, ещё до того, как побывали там впервые?

ЕК: Повторюсь, что о Японии в те годы было достаточно стереотипное представление, причём не только у нас, но и в других странах. И я не была исключением, воображая Японию такой, какой мы привыкли видеть её на открытках. Думаю, такое восприятие уже давно ушло в прошлое. Знаете,

---

ин-те иностр. яз. (1946–1956), преподаватель ИВЯ МГУ (с 1960). Консультант иностр. комиссии собрания постановлений (СП) прав-ва СССР (с 1950). Член Союза Писателей СССР (с 1958). Первой и сов. переводчиков награждена «Орденом Восходящего Солнца» с золотыми лучами (1988).

¹⁰ *Конрад Николай Иосифович* (1891–1970). Востоковед, японист и китаевед, д.ф.н. (1934, без защ.), профессор (1926), академик АН СССР (1958). Лауреат Госпремии СССР (1972). Окончил кит.-яп. отдел. Петерб. ун-та (1912). Учился в Японии (1914–1917). Сотрудник ИВ АН СССР (1931–1970). Профессор МИВ (1941–1950). Иссл. ист. эстетики, лит-ры и театра стран ЮВА, проблемы вост. яз., теории ист. процесса, филос. компаративистики. Арестован за «измену Родине» (1938), осуждён на 5 лет закл., освобождён в сент. 1941 г.

Япония ведь два с половиной столетия была закрытой страной, и только в конце XIX века открыла свои границы для иностранцев, после чего сразу же начала стремительно наверстывать то, что потеряла, находясь в изоляции, – своё отставание от других стран. То есть из «позднего феодализма» ей сразу же надлежало оказаться в «развитом капитализме», став за короткое время одной из мировых империалистических держав.

В японском старинном свадебном кимоно (1978)

Период Мэйдзи (1868–1912) стал принципиально важным этапом для коренной перестройки в стране. Японцы учились у Европы, у Америки буквально всему, начиная с Конституции, которую они заимствовали у Германии, и кончая европейской одеждой. Это был период коренной ломки, смелых трансформаций, необычайной активности различных слоёв населения по пути приобщения к мировой цивилизации. Тогда мир впервые реально узнал о Японии, о японской культуре. Всё началось со Всемирной выставки 1867 г., где японцы в качестве экспонатов показали свои гравюры. И европейцы буквально замерли от восхищения, впервые познакомившись с японским традиционным искусством. На самом деле для японских представителей это был вынужденный ход, рассчитанный на привлечение

массового посетителя, поскольку в те годы именно гравюра получила самое широкое хождение среди городского населения страны.

Ее появление относят ко второй половине XVII в. Первые образцы японской ксилографии использовали как информационные листки наподобие современных газет, афиши к театральным выступлениям, но, а затем они прочно вошли в жизнь и быт японцев как популярное искусство. Нередко жители городов размещали эти гравюры вместе с традиционными свитками *какэмоно* в нишах своих домов, где хранили семейные реликвии и т.д. И одновременно с этим можно услышать рассказ о том, что из-за дешевизны изготовления и простоты тиражирования гравюры часто использовали как оберточную бумагу. В них, якобы, упаковывали изделия из фарфора или чай и отправляли на экспорт. И именно таким образом гравюры попали на Запад. Об этом часто пишут, но, правда ли это или нет, утверждать трудно. Правда, дело даже не в этом, а в том, что лучшие образцы этого искусства, причем подлинные, созданные одним оттиском в количестве сотни и более экземпляров, быстро разлетелись по всему миру, когда Япония открыла свои границы. Европейцы сразу же по достоинству оценили всё своеобразие японской национальной живописи, и вскоре во Франции и других странах разразился настоящий японский бум, получивший даже специальный термин «японизм».

НР: Расскажите об этом поподробнее, ведь это интересно.

ЕК: Строго говоря, первыми произведениями японского искусства, которые получили широкое признание у европейцев еще в середине XVII в., были отнюдь, не гравюры, а японский фарфор. Вслед за этим Японию стали олицетворять лаковые изделия. Экспортировать гравюры японцы начали значительно позже – в середине XIX в., но влияние этого искусства стремительно охватило буквально весь художественный мир Европы. Первыми ревностными поклонниками японской гравюры стали французские художники-импрессионисты: Э. Мане¹¹, К. Моне¹², А. Тулуз-Лотрек¹³, Э. Дега¹⁴ др., чье творчество ощутило заметное влияние японской художественной традиции. Возможно, именно отсюда проистекает и ответная огромная любовь японцев к полотнам импрессионистов. Но не

¹¹ Мане Эдуард (*Manet, Édouard*, 1832–1883). Франц. художник, гравёр, один из основоположников импрессионизма.

¹² Моне Клод (*Monet, Claude Oscar*, 1840–1926). Франц. художник, один из основателей и теоретиков импрессионизма.

¹³ Тулуз-Лотрек Анри (*Toulouse-Lautrec, Henri*, 1864–1901). Франц. художник-постимпрессионист.

¹⁴ Дега Эдгар (*Degas, Edgar*, 1834–1917). Франц. Художник-импрессионист.

только художники, но и известные литераторы попали во власть японского искусства. Среди них, Э. Золя¹⁵, который декорировал свой дом японскими гравюрами, ширмами и прочими предметами японской старины. Здесь же следует вспомнить и о *братьях Гонкур*¹⁶, издавших книги о творчестве таких прославленных мастеров японской гравюры, как *Хокусай Кацусика*¹⁷ и *Китагава Утамаро*¹⁸, и др. (японские имена и фамилии воспроизводятся в принятом в Японии порядке: сначала – фамилия, потом – имя). В это же время итальянский оперный композитор *Дж. Пуччини*¹⁹ создает свою буквально пропитанную японской экзотикой оперу «Чио-Чио-сан», которая не теряет любовь зрителей и по сей день. А один из первых представителей высокой моды французский модельер, англичанин по происхождению *Чарльз Уорт*²⁰ делает *кимоно* чуть ли не обязательным атрибутом домашней одежды знатных европейек, после чего его крой, рукава и прочие элементы прочно вошли в европейский гардероб. Это всё то, о чём мы вспоминаем при первом знакомстве с Японией. Все эти ассоциации долгие годы преобладали в умах людей, в том числе и в России. Возможно, отчасти они сохраняются и сейчас. Однако современная Япония совершенно иная! Сейчас, если спросите нашу молодёжь об этой стране, то непременно речь пойдёт об *анимэ*, японских комиксах *манга*, японских фильмах, японском роке, японской моде и так далее. Вот как сейчас воспринимается Япония. Но в наши студенческие годы мы этого не знали, только жили мечтой когда-нибудь побывать в этой стране!

НР: А что было дальше, после окончания университета?

ЕК: Пять лет учёбы были уже позади, мне предстояло получить путёвку во взрослую жизнь. И тут я столкнулась с множеством непредвиденных ранее

---

¹⁵ Золя Эмиль (*Zola, Émile*, 1840–1902). Франц. писатель – реалист, публицист и полит. деятель.

¹⁶ Братья Гонкур – франц. писателя-натуралисты: *Жюль де Гонкур* (1830–1870) и *Эдмон де Гонкур* (1822–1896)

¹⁷ *Хокусай Кацусика* (1760–1849). Один из самых известных на Западе яп. художников. Иллюстратор, гравёр. Работал под множеством псевдонимов.

¹⁸ *Китагава Утамаро* (1753–1806). Художник, один из крупнейших мастеров, определивший черты яп. классической гравюры.

¹⁹ *Пуччини Джакомо* (*Puccini, Giacomo*, 1858–1924). Итал. композитор, Автор опер «Богема», «Тоска», Манон Леско», «Чио-Чио-сан» (Мадам Баттерфляй).

²⁰ *Уорт Чарльз* (1825–1895). Франц. модельер англ. происхождения, один из первых представителей высокой моды.

обстоятельств! Конечно, пределом мечты для всех нас была работа в Министерстве иностранных дел. Образ *Александры Коллонтай*²¹ постоянно всплывал в памяти. Но девочек в дипломаты тогда не брали. В журналисты тоже дорога была практически закрыта. Вакансий на преподавательские должности было мало, да и то по большей части в закрытые учебные заведения военного профиля. Науку двигали, как казалось тогда, только «небожители», к которым и приблизиться то мне было страшно. А вообще, мне очень хотелось работать в Министерстве культуры и заниматься культурным обменом с Японией! Но там уже тоже давно и прочно сидели непростые люди – с военными званиями, дипломатическим опытом и прочими заслугами, так что, и эта дверь для меня тоже оказалась закрытой.

Е.Л. Катасонова – гид Интуриста (1972)

Зато профессия гида-переводчика была крайне востребована из-за возросшего туристического потока японцев в нашу страну. И мне она нравилась, у меня это получалось, и я даже имела небольшой студенческой

---

²¹ *Коллонтай Александра Михайловна* (1072–1952). Революционер, советский гос. деятель и дипломат. Чрезв. и Полном. Посол СССР. В 1917–1918 гг. была наркомом гос. призрения (социального обеспечения) в первом советском правительстве.

опыт работы с японцами на практике в Интуристе. Но всё-таки хотелось чего-то большего. И оно пришло, во многом благодаря опять же счастливому стечению обстоятельств.

НР: С чего вы начинали?

Подписание Соглашения о сотрудничестве между ССОД и Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами (1979)

ЕК: Я стала секретарем Общества дружбы «СССР–Япония» и одновременно референтом Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) – главного штаба, как тогда говорили, народной дипломатии. В то время эта крупнейшая пропагандистская организация, по сути, частично совмещала в себе и функции МИДа, и функции Минкульта, и даже, как поговаривали тогда, «филиала» международного отдела ЦК КПСС. В общем мне несказанно повезло! И потекли мои трудовые будни в кругу моих старших коллег-сотоварищей. Они сразу же с удовольствием перекинули на меня самую хлопотливую и ответственную часть работы в Обществе – приём японских делегаций, возложив на меня практически все обязанности от их сопровождения до перевода. А связи тогда у Общества «СССР–Япония» с японскими общественными и культурными организациями были обширными. Я практически не вылезала из командировок, путешествуя с японцами по всей нашей необъятной родине!

Это были «мои университеты», которые принесли много полезного: организаторский опыт, языковую практику, широкие контакты с японцами... Были среди моих новых японских знакомых и известные политики, и деятели культуры, и профсоюзные активисты – люди разных профессий, которых объединяло одно: они выступали за дружбу с нашей страной. А ещё судьба подарила мне много интересных встреч с нашими людьми, очень известными и совсем простыми, о чём я часто вспоминаю с огромной благодарностью и приятной ностальгией.

НР: А когда сбылась мечта побывать в Японии?

ЕК: Впервые это произошло ровно через год после моего поступления в ССОД – в 1974 году. Ту поездку организовал для нас, членов советской молодёжной делегации, Обата Юдзиро – тогдашний губернатор префектуры Акита. Г-н Обата не раз привозил японскую молодёжь в нашу страну на так называемых «Кораблях дружбы». Теперь же он принимал нас у себя на родине. Летели мы тогда через Хабаровск, который казался мне какой-то почти недостижимой по дальности точкой на карте СССР! Из Хабаровска уже в те годы курсировал прямой рейс в Ниигата: два часа, и вы в Японии! Ну, а на обратном пути мы плыли из г. Иокогама в порт Находку, оттуда перемещались ночным поездом до Хабаровска, а далее – вновь самолётом в Москву. Таков был отработанный эконом-маршрут для поездок в Японию в те годы.

НР: Чем запомнилось первое свидание с Японией?

ЕК: В первое же утро после приезда мне не спалось, и я забрела в очень красивый японский сад при гостинице и буквально оторопела от красоты. А где-то вдалеке виднелась целая вереница типичных японских домиков с изогнутыми крышами, словно на японских гравюрах. Утро было дождливым, свежим и даже немного прохладным, что никак не ассоциировалось с летней жарой, которую я представляла себе. Да и к разнице во времени приходилось ещё долго привыкать. Но все это были мелочи жизни, о которых просто не стоит говорить. Вы ведь знаете, что счастье трудно фиксировать именно в тот момент, когда оно происходит. Осознание приходит позже. Но в то утро я действительно ощущала себя счастливой, ведь я стояла на японской земле!

НР: А что было дальше, как проходила поездка?

ЕК: Потом мы много ездили на автобусах по горам, деревням, маленьким провинциальным городкам, купались прямо в одежде в море и сохли по дороге, встречались с разными людьми. Но современную Японию увидели лишь в последние два дня, которые мы провели в Токио. Тогда я ощутила совершенно другую страну: нас поселили в роскошной многоэтажной

гостинице, из окон которой простирался необычайно красивый вид на старый парк! Это было чуть ли не первое высотное здание столицы в районе Синдзюку, который сейчас превратился в один из самых фешенебельных уголков Токио, а тогда только начинал возводиться. И для того времени это казалось на грани фантастики – возводить небоскребы в условиях сейсмической зоны! Но японцы вновь удивили мир своими технологиями будущего... А ещё та первая поездка запомнилась мне тем, что случай собрал тогда вместе многих в дальнейшем известных фигур российского японоведения, в числе которых был и будущий заместитель министра иностранных дел и посол СССР в Японии, д.и.н. Панов А.Н., и крупный бизнесмен Шодиев Ф.К., являющийся ныне почётным президентом Межрегиональной ассоциации японоведов, и другие интересные люди.

НР: В бурном потоке такой насыщенной жизни вас, наверное, редко посещала мысль о том, чтобы заняться наукой? Тем не менее, спустя какое-то время вы все-таки задумались об этом. Как это случилось и почему?

ЕК: Это произошло далеко не сразу, но, опять же, благодаря моей работе в Обществе дружбы. В правление этой организации входили практически все ведущие советские японоведы, с которыми мне приходилось часто общаться по работе. К тому же я отвечала за проведение в Доме дружбы ежегодных научных конференций. Так что в каком-то смысле контакт с представителями науки у меня был налажен. И вот на одном из очередных мероприятий у меня состоялся неожиданный, но очень хороший разговор с *Маркарьян С.Б.*²², которая убедила меня в том, что мне пора заняться наукой. И буквально через несколько дней она привела меня в аспирантуру Института востоковедения, как говорится, замолвив за меня словечко. Вот так всё и началось!

НР: Как вы выбирали тему диссертации?

ЕК: С выбором темы будущей диссертации долго не пришлось мучиться. Ещё участь в институте я начала заниматься творчеством известного японского писателя *Танидзаки Дзюнъитиро*²³, сложного, противоречивого,

---

22 *Маркарьянц (Маркарьян) Седа Багдасаровна* (1928 г.р.). Японовед, д.э.н. Вед. науч. сотрудник-консультант ИВ РАН. Иссл-ль соц.-эк. проблем Японии. Автор более 200 работ.

23 *Танидзаки Дзюнъитиро* (1886–1965). Писатель, драматург. На раннем этапе творчества – ярый противник натурализма в литературе. Его сочинения отличает уникальность женских образов, в т.ч. образов роковых женщин в повестях «Дети» (1910), «Секрет» (1911) и «Дьявол» (1912) и соврем. девушек в романе «Любовь глупца» (1924). Для позднего периода творчества (с 1923) характерен отход от зап. Влияния, погружение в мир

работавшего на стыке Восток–Запад, национальных традиций и западных модернистских течений и т.д. Сегодня его имя хорошо известно в мире не только благодаря его произведениям, но и их экранизациям, выполненным японскими и европейскими кинематографистами, в числе которых можно назвать даже *Тинто Брасса*²⁴. В 1965 году Танидзаки был номинирован на Нобелевскую премию в области литературы, но его смерть опередила решение Нобелевского комитета. Правда, у нас в стране в те годы о нём знали лишь единицы – его творчество никак не вписывалось в строгие каноны социалистического реализма. Единственно, что было доступно советскому читателю из его многотомного литературного наследия – это роман «Любовь глупца», переведённый академиком Конрадом Н.И. и изданный ещё в 1920-е годы. Но затем уделом советских японоведов стало изучение пролетарской литературы и переводы древней поэзии. Правда, в 1960-е годы мы неожиданно узнали совершенно новое для себя имя *Абэ Кобо*²⁵ благодаря блестящим переводам моего учителя В.С. Гривнина. Буквально у всех на слуху был его роман «Женщина в песках», о котором много говорили, спорили, проявляя неподдельный интерес к современной японской литературе... Мне тогда (в студенческие годы) тоже хотелось пойти по непроторенному пути: заняться творчеством японского писателя, имя которого было совершенно неизвестно нашему читателю. И я выбрала *Кавабата Ясунари*²⁶, который незадолго до этого стал лауреатом Нобелевской премии, но более о нём мы ничего не знали в те годы. У меня оказалась в руках маленькая книжечка с его новеллами, подаренная кем-то из японских туристов, и я выбрала самую, как мне казалось тогда, поэтичную из них – «Танцовщицу из Идзу». Все летние каникулы я провела за тяжким переводом этого маленького шедевра, испытав все трудности нелёгкой переводческой работы. И 1 сентября, придя в Институт, не без гордости сообщила об этом Ирине Львовне Иоффе. Но та лишь посочувствовала мне, сказав, что буквально на днях выходит большая книга переводов произведений Кавабата, который выполнил известный литературовед *Ким Ле*

яп. старины и эстетики. После смерти писателя в 1965 г. изд-во «Тюокоронся» учредило премию им. Дзюньитиро Танидзаки.

24 *Тинто Брасс* (1933 г.р.). Итал. кинорежиссёр, признанный мастер эротического кино.

25 *Абэ Кобо* (1924–1993). Писатель, драматург, сценарист, один из лидеров яп. послевоен. Авангарда в искусстве. Осно. тема творчества – поиск человеком собств. идентичности в соврем. мире. По романам «Женщина в песках», «Чужое лицо» и «Сожжённая карта» в 1960-х гг. сняты фильмы режиссёра Хироши Тэсигахары.

26 *Кавабата Ясунари* (1899–1992). Писатель, офицер франц. Ордена искусств и литературы (1960), лауреат Нобелевской премии по литературе (1968).

Чун²⁷. Это сообщение было для меня настоящим ударом! Что делать теперь, кого изучать? И тут на помощь пришла та же Ирина Львовна, которая подсказала мне это имя – Танидзаки Дзюнъитиро, и тему дипломной работы. Правда, позже она, кажется, сама засомневалась в правильности такого выбора: «Знаешь, Танидзаки очень сложен по своему содержанию. О нем должен писать человек, который имеет уже большой жизненный опыт, многое испытал, много переживал». Но я не отступила! Прочтя его раннее произведение – «Татуировка» – экстравагантное, яркое, сочное, я уже больше никогда не пыталась вырваться из его литературного плена! Я изучала и переводила Танидзаки и даже опубликовала один из первых своих переводов его рассказа «Шут» в сборнике с красивым названием «И была любовь, и была ненависть».

И, наверное, самое главное: моим научным руководителем согласилась стать сама *Григорьева Татьяна Петровна*²⁸ – выдающийся литературовед, философ, специалист по Японии и большой знаток Востока. Ещё будучи студенткой, я мечтала познакомиться с Татьяной Петровной, и такая возможность представилась во время лекции известного американского японоведа Дональда Кина, которая проходила в Институте мировой литературы. Именно тогда я в стеснении подошла к ней и, рассказав о своём увлечении Танидзаки, заручилась её поддержкой. Я всегда буквально боготворила Григорьеву. И по сей день горжусь, что была первой её аспиранткой!

НР: Мы все хорошо помним Татьяну Петровну, ведь практически всю свою жизнь она проработала в Институте востоковедения. Но вы, наверное, знали её лучше других?

ЕК: Да, я часто бывала у неё дома и знала её семью. Её отец *Тонеха Пётр Павлович*²⁹ прожил необычайно сложную, но интересную жизнь, сменил несколько профессий – от матроса военного корабля до известного историка – доктора наук, не говоря уже о том, что до революции он – выходец из бедной крестьянской семьи батрачил на сахарных плантациях на Гавайях.

²⁷ *Ким Ле Чун* (псевдоним *Ким Рёхо*, 1928–2017). Востоковед-литературовед, писатель, переводчик. Д.ф.н., член Союза писателей России.

²⁸ *Григорьева Татьяна Петровна* (1929–2014). Востоковед-японист, литературовед, переводчик. Д.ф.н., профессор. Засл. деятель науки РФ. Сотрудник (с 1958), вед. науч. сотрудник (с 1988) ИВ АН СССР, Член Союза писателей России.

²⁹ *Тонеха Пётр Павлович* (1905–1985). Японовед, д.и.н. (1971). Окончил Ленингр. ин-т жив. вост. яз. (1931). Тема диссертации: «Рабочее движение в Японии».

Мама же Татьяны Петровны – *Орлова Александра Петровна*³⁰, ученица Конрада Н.И. и выпускница Ленинградского института живых восточных языков (1931), после окончания аспирантуры была преподавателем японского языка в Московском институте востоковедения (МИВ) и воспитала не одно поколение японоведов.

Советские японоведы с известным японским русистом Курода Тацуо.

Слева направо: Ким Ле Чун, Громковская Л.Л., переводчик японской литературы Ронская Г.Ф., сотрудник Союза писателей Редина Е.Н Курода, Тацуо, Катасонова Е.Л., японовед Дубровский Д.М., Григорьева Т.П.

Своё детство она провела в деревне Медведь, в нескольких десятках километрах от Великого Новгорода. Волею судеб, именно в деревне Медведь отбывали плен 15 японцев – участников русско-японской войны, которые часто общались с местными ребятишками, играли с ними, учили японскому языку и рассказывали о Японии. Так что выбор профессии определился ещё тогда, в детские годы, а потом это увлечение передалось и Татьяне Петровне. Мне однажды посчастливилось побывать в той деревне вместе с японцами. В местном краеведческом музее мы обнаружили фотографии мамы Татьяны Петровны, ею гордятся её односельчане! И мне это было необычайно приятно!.. Очень сожалею, что Татьяны Петровны уже несколько лет нет с нами. Она болела, тяжело болела, почти не вставала. Но рядом с кроватью стоял письменный стол, и она с помощью сиделки всё-таки садилась за него

³⁰ *Орлова Александра Петровна (1906–197?). Японовед. Окончила Ленингр. ин-т жив. вост. яз. (1931). Ученица Н.И. Конрада. Преподавала в Моск. ин-те Востоковедения (МИВ).*

и пыталась продолжать работу. Замечательный человек, выдающийся учёный, один из наших крупнейших специалистов по японской традиционной культуре. Обидно и несправедливо, что это имя постепенно начинают забывать!

НР: Думаю, что время всё правильно расставит по своим местам. Но вернёмся к вашей диссертации! Вы были первым исследователем творчества Танидзаки у нас в стране. И хотя потом вы уже не возвращались к этой тематике, имя этого японского писателя обрело популярность у советских читателей. В 1990-е гг., один за другим, появлялись переводы его новелл и даже романов. Означает ли это, что ваша творческая инициатива вновь была перехвачена?

ЕК: Это не так. Просто Танидзаки теперь уже классик японской литературы, и интерес к его творчеству вполне закономерен. Любопытно, что параллельно со мной творчеством Танидзаки занимался польский японовед Миколай Меланович, который всё-таки опередил меня с защитой! Но кроме огорчения это событие принесло мне немало существенных «дивидендов». *Эйдлин Л.З.*³¹, известный китаевед, заведующий сектором литератур Дальнего Востока в Институте востоковедения был приглашён в Польшу в качестве оппонента. И, конечно же, вскоре автореферат диссертации был у меня в руках. Работа моего польского коллеги мне очень понравилась и натолкнула на ряд интересных мыслей, главным образом, из области традиционной литературы, что потребовало у меня ещё около года буквально титанических усилий.

НР: Сколько же лет вы работали над ней?

ЕК: Даже и не знаю, не помню уже. Но признаюсь, что диссертацию писала урывками, нервно, напряжённо, буквально заставляя себя после работы читать и анализировать трудные для понимания японские тексты. Иногда я просто забывала о рукописи и на несколько месяцев откладывала её в дальней ящик своего письменного стола: делегации, встречи, а потом и замужество мешали продолжению работы. И, наконец, когда я уже выходила на финишную прямую, моего мужа неожиданно отправили на работу в Северную Корею! И мне как жене надлежало ехать вместе с ним. Защита откладывалась на неопределённое время и, как казалось тогда, может быть, навсегда.

---

31 *Эйдлин Лев Залманович* (1909/1910–1985). Китаевед, литературовед, д.ф.н. (1969), профессор (1969). Окончил МИВ (1937). Преподавал в МИВ (1937–1941) и ВИИЯ (1941–1952). Сотрудник ИВ (1944–1957, 1959–1985), ИК АН СССР (1957–1959). Член СП СССР (с 1950). Засл. деят. науки РСФСР (1980).

НР: Кстати, расскажите хоть немного о своём муже. Он ведь тоже был востоковедом?

ЕК: Да, его звали Катасонов Лев Григорьевич. Он был специалистом по Корее, знал корейский язык, стажировался в Пхеньяне. Заканчивал в своё время модный Институт внешней торговли, который позднее преобразовали в Факультет международных экономических отношений *МГИМО*³². После окончания Института он долго работал в Торгово-промышленной палате СССР, представлял эту организацию в Непале, выезжал на международные выставки во многие страны. Затем его пригласили на работу в ССОД, в Отдел социалистических стран Востока, где занимался связями с КНДР, Вьетнамом и МНР. Там мы и познакомились, стали не только супругами, но и во всех смыслах единомышленниками, поддерживая друг друга и в жизни, и в работе.

С супругом в японском ресторане

И так продолжалось вплоть до 2017 года, пока Лев Григорьевич не заболел неизлечимой болезнью, которую победить так и не смог.

НР: Светлая память!.. Надеюсь, всё самое страшное уже позади! Вернёмся в светлую полосу вашей жизни! Когда вы отправились в Северную Корею, это, видимо, никак не входило в ваши творческие планы. Как вы привыкали к жизни в совершенно незнакомой для вас стране?

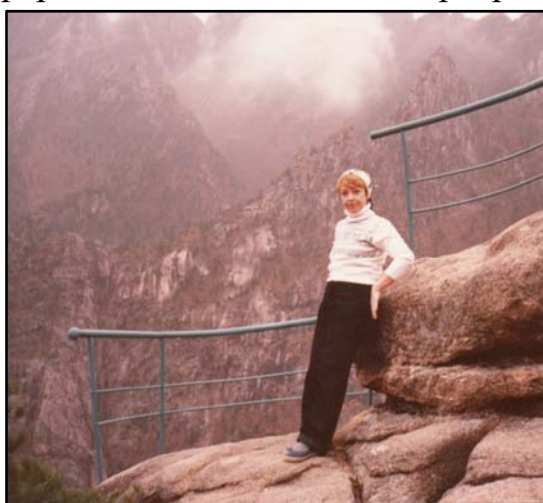
ЕК: Поскольку человек я активный, мне было очень тяжело находиться в Пхеньяне в роли просто жены, хотя, признаюсь, что впервые в жизни я там

---

³² *МГИМО* – Московский гос. ин-т (Университет) международных отношений МИД СССР.

увлеклась кулинарией и другими женскими занятиями. А ещё я придумала себе новую работу: стала преподавать русский язык корейским рабочим!

Дело в том, что, ещё работая в ССОДе, я окончила специальные курсы преподавателей русского языка как иностранного. Училась, вроде бы просто так, на всякий случай, хотя где-то в глубине души мечтала когда-нибудь поработать в Японии. И вот этот случай настал, правда, не в Японии, а в Корее. Раз в неделю я приходила на завод, где в неотапливаемой учебной комнате старалась привить корейцам интерес к изучению русского языка. Зимой в Пхеньяне холодно, промозгло, что преподавать приходилось прямо в меховом жакете и в варежках. Мел крошился, и доска скрипела, когда я старательно выводила буква. Мои студенты ёжились от холода в своих грубых рабочих спецовках, усталые, полуголодные, и, тем не менее, пытались слушать меня. Откровенно говоря, я искренне сочувствовала им и понимала, что условия для преподавания и обучения были совсем неподходящие, но люди старались, и я старалась тоже. Правда, этот учебный эксперимент вскоре прервался, а потом и вовсе прекратился.

В Северной Корее

НР: Почему прекратился?

ЕК: В самом начале марта 1983 года неожиданно пришёл вызов из Института востоковедения: была назначена защита моей диссертации, и я срочно вылетела в Москву! Всё прошло достаточно быстро и успешно, правда, как всегда, не без новых неожиданных трудностей. В последний момент потребовалась дополнительная сдача кандидатского минимума по английскому языку, так как ранее сданный экзамен по японскому мне не засчитали, сочтя его моей основной специальностью. Были и другие переживания, главное из которых касалось явки на заседание членов диссертационного совета. Я даже не могла себе представить, что на моей защите будет присутствовать сам *Федоренко Н.Т.*³³, который читал нам самую первую лекцию в Институте восточных языков. Но он пришёл, пришли и другие, и я успешно защитилась, став кандидатом филологических наук.

НР: Какие мысли и ощущения были при этом?

ЕК: Тогда мне это казалось подведением итогов важного этапа моей жизни и почётной наградой за годы творческих мучений. Но потом эта диссертация сыграла важную роль в моей жизни. В 1986 году закончился срок дипломатической службы моего мужа, и мы вернулись на родину. Прежде мы оба работали в ССОДе, но теперь новые веяния перестройки не позволяли нам двоим трудиться в одном месте. Повсюду шла ожесточенная борьба с так называемой «семейственностью», конечно же, с перегибами, глупостями, произволом. Я попала в этот страшный водоворот событий и стала подыскивать себе новую работу, причём в то беспокойное и трудное время, когда шли бесконечные сокращения, увольнения, развал организаций.

НР: Итак, вы пришли в ИВ РАН?

ЕК: Самые большие мои надежды были связаны с Институтом востоковедения. Но и здесь меня взяли на работу далеко не сразу, подвергнув серьёзному профессиональному испытанию. Каждые два месяца я представляла в дирекцию отчёт о проделанной работе, но перспективы с зачислением на работу не становились от этого реальнее. Так прошёл год и, наконец, я стала научным сотрудником отдела Японии, благодаря поддержке

---

33 *Федоренко Николай Трофимович* (1912–2000). Китаевед, д.ф.н. (1943), профессор (1953), членкор АН СССР (1958). Окончил МИВ (1934). Служил в МИД СССР (1939–1968), Чрезв. и полном. посол СССР (1954). Замминистра ин. дел (1955–1958), сотрудник пос-ва СССР в Китае (1940–1948, 1950–1952), посол СССР в Японии (1958–1962), пост. Представ. СССР при ООН и СБ ООН (1963–1968). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1967). Главред журнала «Иностранная литература» (1970–1988). Член Союза писателей СССР (с 1970).

тогдашнего заведующего отделом *Саркисова К.О.*³⁴. Началась работа над моей первой монографией, которая называлась «Японские корпорации: культура, благотворительность, бизнес»³⁵. Эта тема была весьма актуальной в те годы, когда страна вступала в рыночную экономику, и культура также вынуждена была перестраиваться на новые коммерческие рейсы. Книга вышла в 1992 году, правда, совсем не в том виде, как я представляла себе: в плохом типографском исполнении, на тонкой желтоватой бумаге, с редакторскими и корректорскими недочётами, вплоть до ошибки с моим отчеством. Там я значусь как Леонтьевна, так что, может статься, что когда-нибудь еще придется доказывать свое авторство. Какая-то нелепая ситуация. И всё-таки в те трудные безденежные годы выход книги, тем более, первой казался невероятной удачей! Правда, свое «любимое детище» я впервые увидела и получила с большим опозданием, поскольку к тому времени меня уже не было в Москве.

НР: Наверное, вы имеете в виду свою работу в Японии, в штабе Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных, ведь именно туда вас забросила судьба? Кстати, что заставило такого замечательного учёного, красивую и успешную женщину, привыкшую к комфортной жизни, успешную попутешествовать по миру и узнать много интересного, погрузиться в дела военных лет? То, что вас интересуют проблемы японской культуры – это понятно. Но почему японские военнопленные? Это ведь тяжёлая, очень сложная тема, вызывающая массу противоречивых мнений и оценок! Что Вами руководило в момент принятия такого непростого решения? Высокая и благородная чисто гуманная цель рассказать правду о жизни этих людей в тяжелейшие для них времена? Или же Вы стремились как ученый ликвидировать ещё одно «белое пятно» в истории российско-японских отношений? Тем более удивительно, что вы выбрали эту тему для своей докторской диссертации!

ЕК: Да я и сама не знаю, как это произошло, но эта работа стала в моей жизни своеобразным «звёздным часом». Мне иногда кажется, что я получила это ответственное задание свыше, поскольку буквально незадолго до этого, отметив своё 40-летие, я приняла крещение. Произошло это далеко не сразу,

---

34 *Саркисов Константин Оганесович* (1942 г.р.). Японовед, к.т.н. Окончил ЛГУ (1966) и аспирантуру ИВ АН СССР. Много лет возглавлял Отдел Японии ИВ АН СССР. Работал в пос-ве СССР в Японии, где ведал вопросами науч. сотр. двух стран. Более 20 лет преподавал в крупных ун-тах Японии. В наст. ар. – вед. науч. сотр. ИВ РАН, приглаш. иссл-ль ун-та Хосэй (Япония), почётный проф. ун-та Яманаси Гакуин (Япония).

³⁵ *Катасонова Е.Л.* Японские корпорации: культура, благотворительность, бизнес. М., «Восточная литература», 1992.

после долгих колебаний и сомнений. И, как ни странно, этому решению немало помогло моё очередное посещение Японии.

Шёл 1990 год, лето, август. Большая делегация советской общественности отправляется в город Нагасаки, где проходила Всемирная выставка «Путешествие 1990». На борту теплохода – известные политики и общественные, а также религиозные деятели СССР, среди которых особенно мне запомнился своей статью и величием ныне покойный митрополит *Питири́м*³⁶. До сих пор перед моими глазами стоят все детали заупокойной службы, которую владыка провёл на главной палубе нашего теплохода, когда мы проплывали неподалеку от острова Цусима. В России все хорошо помнят трагические события русско-японской войны и печально известное Цусимское сражение 27–28 мая 1905 года, когда русская эскадра потерпела полное поражение от ВМС Японии. Вот почему все мы, кто был на корабле, проплывая эти места, в едином порыве молились за своих соотечественников, кто отдал свои жизни за Россию много лет тому назад. И в память о них бросали в море венки живых цветов, под божественные звуки церковного песнопения, которое исполнил Хор московской патриархии. Такое не забыть никогда!

НР: С вами на пароходе был целый хор?

ЕК: Да! По прибытии в Нагасаки меня прикрепили к этому хору в качестве переводчика, и я сразу же сдружилась с этими людьми, а также с сопровождавшими их представителями русской православной церкви. Мы тогда много беседовали на разные, порой весьма сложные религиозные и житейские темы. Особо меня волновал вопрос жизни после смерти, поскольку за два года до этого я потеряла своего отца и никак не могла найти путей к примирению со случившимся. «Так вот он – этот путь!», – подумалось мне тогда, и я решила про себя, что настало время принять крещение.

Об этом я серьёзно задумалась в очередной раз, принимая участие в торжественном открытии после реставрации часовни Святого Николая, находящейся на русском кладбище города Нагасаки, на горе Инаса. Это мероприятие и было основной целью нашей совместной миссии в Японии. Когда-то мне уже приходилось бывать в этих местах, где захоронено более 500 наших соотечественников, в основном участников русско-японской войны. Теперь же, участвуя в молебне в их память, я чувствовала свою

---

³⁶ *Питири́м* (в миру – Нечаев Константин Владимирович, 1926–2003). Митрополит, епископ Русской православной церкви, митрополит Волоколамский и Юрьевский.

тесную сопричастность и с русской историей, и с русской православной церковью. Мы держали свечи в руках и поминали наших соотечественников. А затем состоялось церемония торжественного возвращения останков русского матроса на родину, во Владивосток, которая буквально потрясла меня до слёз!

Нужно сказать, что русские захоронения в Японии – это отдельная большая и волнительная тема, которая не покидает меня и по сей день. И не только меня. Пару лет назад вышел в прокат совместный российско-японский фильм под названием «В плену у сакуры», события которого начинаются с рассказа о русском кладбище в городе Мацуяма на острове Сикоку. Здесь похоронены русские военнопленные-защитники Порт-Артура. Эту тему я сейчас подняла как-то случайно, но о ней надо знать и помнить!

А ещё не могу не рассказать о том, что история Нагасаки тесно связана с распространением христианства в Японии. Именно здесь в 1597 г., по приказу военного правителя *Тоётоми Хидэёси*³⁷ 26 католических миссионеров были казнены через распятие за исповедание веры. Так в Японии начинались массовые преследования католиков и гонения на христианскую религию, проникшую на японские острова вместе с португальскими миссионерами. Но японские христиане держались до последнего и, чтобы не стать очередной жертвой властей, придумали тогда новый образ богоматери с лицом японской богини милосердия Канон, сидящей в позе Марии и держащей на руках младенца. Это изображение так и назвали Мария-Каннон. В своём рассказе я ещё вернусь к этому образу, воспроизведенному уже в наши дни.

А сейчас буквально несколько слов ещё об одном знаке судьбы, который я увидела в Нагасаки. Это бронзовая фигура женщины в *кимono*, указывающая прижавшемуся к ней мальчику на морские просторы. Она находится в знаменитом парке Гловер-Гарден, недалеко от центральной набережной города. Именно здесь проходили выступления хора Московской патриархии. Принято считать, что это – памятник Чио-Чио-сан. И мало кто знает, что на самом деле в бронзе запечатлена сама Миура Тамаки – всемирно известная японская оперная певица, первая исполнительница этой роли. Говорят, что она умерла и похоронена в этом месте в 1947 году. И, поскольку знаменитый Пуччини писал свою оперу именно для неё, бронзовая фигура самого маэстро установлена неподалёку от памятника Миура. О популярности этой певицы у себя на родине и далеко за её пределами говорят многие факты, в

---

³⁷ *Тоётоми Хидэёси* (1536–1598). Военный и полит. деятель, объединитель Японии.

том числе международный конкурс на лучшую исполнительницу партии Чио-Чио-сан, который, начиная с 1967 года, попеременно проходил в разных странах мира. В 1976 году её лауреатом стала *Лидия Захаренко*³⁸, солистка Музыкального театра Станиславского К.С. и Немировича-Данченко В.И.

Вместе с Лидией Захаренко (2000)

Мы были давно, но шапочно знакомы с ней и даже общались по поводу разных японских дел, но после моего приезда из Нагасаки сблизилась как никогда ранее. Она оказалась человеком глубоко верующим, с детства приученной к чтению молитв и церковному ритуалу. И именно она стала моей крёстной. К сожалению, 4 января 2022 г. мы похоронили её в возрасте 83 лет. А отпевание прошло в той же Церкви Вознесения Словущего на Успенском вражке в Брюсовом переулке, где меня крестили. Вот как бывает в жизни!

НР: Выходит, военная тема началась для вас с истории русско-японской войны?

ЕК: Не только с истории. Современная война ворвалась в мою жизнь неожиданно и стремительно. В феврале 1991 г. я оказалась в г. Цхенвали – в самом эпицентре военного столкновения между Грузией и Южной Осетией, где мне первые пришлось, как говорится, впервые «понюхать пороху». Я оказалась на настоящей войне, испытал на себе и непрерывные обстрелы, от которых пришлось спасаться перебежками, прячась от разрывавшихся

³⁸ *Захаренко Лидия Константиновна* (1938–2021). Оперная певица. Нар. артистка РСФСР, солистка муз. театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко (до 2017). Много гастролировала в Японии и других странах.

поблизости снарядов за танки и бронетранспортёры. И так, совсем как в кино, мы добрались до школы, где был развёрнут полевой госпиталь. Там я впервые в жизни увидела много раненых людей, а в школьном дворе – много свежих могил. Всё это потрясло меня до глубины души. Но самое опасное ждало нас на обратном пути – нашему микроавтобусу предстояло вновь прорваться сквозь пули и выскочить на горную дорогу, ведущую к грузинскому пропускному пункту, после чего можно было вновь перевести дух. Как я оказалась в то время в том месте? Просто поехала переводчиком с японской телегруппой брать интервью у тогдашнего главы правительства Грузии Тенгиза Сигуа, а посему надела модное в то время длинное стёганое пальто сиреневого цвета, лиловую шляпку с полями, и двухметровый шёлковый шарф. Вот в таком гламурном виде, в ботиночках на маленьком каблучке, я и оказалась на войне. Вдобавок к этому на другой день пришлось ехать вместе с японцами в пригород Тбилиси и там переводить допросы арестованных боевиков националистического движения «Мхедриони», которых местные милиционеры содержали в подвалах маленьких неотапливаемых домишек. Я – переводчик, а, значит, мне приходилось прямо общаться с этими людьми – грязными, обросшими, во многом потерявшими человеческий облик, на счету которых был не один десяток мирных жертв. До сих пор не верю, что это была я, да и своим близким я так и не рассказала об этом своём необычном и, скажу честно, страшном опыте. В этот же день, вернее, поздно вечером, наконец, состоялась запланированная встреча с грузинским премьером. У меня к тому времени поднялась высокая температура: дали о себе знать два трудных холодных дня, проведённых на улице. Но я на «автопилоте» легко проскочила и это испытание. Тем более, что содержание беседы оказалось во многом протокольным, за исключением, пожалуй, резких высказываний грузинского премьера в адрес советских властей с критикой политической позиции нашей страны по территориальной проблеме, существующей в наших отношениях с Японией. Ничего подобного мне прежде не приходилось ни слышать, ни, тем более, переводить. Ведь в то время мы ещё были единой страной! Ну, а потом, в завершение всех наших мытарств, мы, наконец, отведали вкуснейшие блюда грузинской кухни. Но лично мне в тот памятный вечер больше всего запомнились маленькие букетики первых лиловых фиалок, которыми буквально осыпали меня местные журналисты, сопровождавшие нас в этой непростой и весьма рискованной поездке. Так я получила, как говорится, «первое боевое крещение».

Вскоре после возвращения из Тбилиси меня познакомили с известным общественным деятелем из Японии – президентом Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных *Сайто Рокуро*³⁹, и он пригласил меня на работу в свою организацию. Мне поручили учить русскому языку членов Ассоциации, которые когда-то неплохо говорили по-русски, а также осуществлять связи с советскими организациями для решения текущих проблем сотрудничества.

Вместе с г-ном Сайто Рокуро ожидаем прилёт в Японию делегации Главной военной прокуратуры (сентябрь 1991)

В Институте востоковедения одобрили эту идею, сочтя её хорошей возможностью для моей научной командировки с целью изучения Японии.

НР: Насколько изученной была эта тема?

ЕК: Скажу откровенно, прежде я почти ничего не знала о более 600 тыс. японских военнопленных, переправленных из Маньчжурии на принудительные работы в СССР по приказу И.В. Сталина. Никогда не слышала и о том, что более 60 тыс. из них умерли от болезней, тяжёлого труда, непривычно сурового климата и недостатка питания, что до сих пор неизвестны имена и места захоронения большей части из них. Особенно удивительным для меня стало то, что последними пленниками 2-й мировой войны, покинувшими пределы СССР, были именно японцы! Произошло это в самом конце 1956 года, благодаря подписанию Советско-японской совместной декларации об окончании войны и восстановлении

³⁹ *Сайто Рокуро* (1923–1995). Бывший военнопленный, более 4 лет провёл в лагерях в Иркутской обл. Организатор и президент Всеяп. ассоциации бывших военнопл., видный обществ. деятель Японии. Выступал за дружбу с СССР, награждён российским Орденом Дружбы народов. Почётный профессор РУДН им. П. Лумумбы,

дипломатических отношений между нашими странами... Все долгие годы эти события негативно влияли на отношение японцев к нашей стране, ведь они коснулись практически каждой шестой японской семьи! В СССР обо всём этом не принято было говорить: все материалы по этой проблеме хранились в советских архивах под грифом «совершенно секретно». И даже мы, выпускники МГУ, не имели никакого представления о так называемом «сибирском плене». Только, оказавшись в Японии в июне 1991 года, я узнала эту историю во всех подробностях.

НР: В СССР эта история полностью замалчивалась?

Поездка с родственниками умерших по местам японских захоронений в Сибири

ЕК: О ней впервые заговорили в советских СМИ лишь в конце 1980-х годов в связи с готовящейся официальной поездкой в Японию Горбачёва М.С. Во время самого визита в апреле 1991 году состоялась передача японской стороне списков на почти 28 тысяч японцев, умерших и захороненных в СССР, а их родственникам были выражено сочувствие и предоставлено разрешение на посещение этих мест. Одновременно с этим на государственном уровне было подписано «Соглашение о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных», в котором закрепили некоторые договоренности в этой сфере. Вслед за этим у нас в стране была объявлена реабилитация жертв политических репрессий сталинского режима, в число которых попала и часть японских военнопленных. А затем правительство уже Российской Федерации продолжило эти шаги по восстановлению прав бывших японских военнопленных. Это – Постановление о выдаче справок о труде в плену лицам,

Вручение бывшим японским военнопленным первых российских Справок о труде в плену в СССР (г. Цуруока, 1992)

Фото слева: и.о. Главного военного прокурора РФ Заика Л.М., адвокат Нисида и Катасонова Е.Л.

Фото справа: вручение первых российских справок о реабилитации бывшим японским военнопленным и представителям семей умерших (г. Цуруока, сентябрь 1991)

находившимся в лагерях для военнопленных на территории бывшего СССР после окончания Второй мировой войны, на основании чего более 40 тыс. японцев получили документы о работе в плену, которые, как тогда надеялись все, должны были стать основанием для выплаты компенсаций от правительства Японии. Но решение этого вопроса оказалось настолько непростым, что на него потребовались годы переговоров, согласований, судебных заседаний и так далее – одним словом, годы напряжённой работы и борьбы.

НР: Как проводилась эта работа?

ЕК: Если вы имеете в виду получение компенсации от японского правительства, то оно в конечном итоге состоялось после 40 с лишним лет общественных и политических выступлений бывших японских военнопленных за свои права, многократных обращений их в судебные инстанции Японии, Комиссию по правам человека ООН, Международный Комитет Красного Креста, авторитетные российские структуры и т.д. Произошло это в 2010 г. благодаря приходу к власти коалиционного правительства во главе с демократами в бытность премьерства Хатояма Юкио ⁴⁰. Однако специальный закон, одобренный парламентом и распространенный на бывших узников не только советских, но и монгольских лагерей, по существу не решал всех проблемы военного плена. Сумма компенсаций была невелика и во многом символична, а главное - выплачивалась при условии личного обращения заявителя. Родственники умерших лишались такого права, впрочем, как и жители Кореи и Китая, воевавшие по призыву в частях Квантунской армии. Это – маленькая справка к вопросу о компенсациях. Но не только этим мне приходилось заниматься во время моей командировки. К примеру, много работала в архивах в поисках имен без вести пропавших японцев и мест их захоронений. Вела переговоры с местными жителями о приведении в порядок японских могил и сопровождала туда родственников умерших. Организовывала постройку памятников, участвовала в деле реабилитации незаконно осужденных японцев, издавала журнал на русском языке, участвовала в переговорах с представителями российских органов власти буквально на всех уровнях, включая президентские структуры, а также случалось делать и многое другое. Жёлтая пресса Японии называла меня «рукой Москвы». Я же делала всё это не по чьей-то указке, а, в полном смысле этого слова, по велению своего сердца, как бы высокопарно это ни звучало.

НР: Расскажите, пожалуйста, о самых памятных эпизодах той вашей деятельности!

ЕК: Их было много, но, пожалуй, в первую очередь, стоит вспомнить о двух из них. Первое, это то, как вместе с г-ном Сайто мы обнаружили среди случайно попавших нам в руки до сих пор не рассекреченных документов письмо из ставки Верховного военного командования Японии в адрес маршала Василевского А.М. ⁴¹. В нём в обмен на посредничество в

---

⁴⁰ Хатояма Юкио (1947 г.р). Японский политик. Лидере Демократической партии Японии. Премьер-министр Японии (2009-2010).

⁴¹ Василевский Александр Михайлович (1895–1977). Военачальник, маршал СССР, нач. Генштаба, Главнокомандующий сов. войск на Дальнем Востоке.

переговорах с американцами о сохранении жизни японскому императору советской стороне предлагалось использовать японских военнопленных как бесплатную рабочую силу, вплоть до лишения их, по усмотрению её представителей, японской национальности. А это означало, что вся ответственность за так называемый «сибирский плен» лежала на военном руководстве Японии того времени, о чём не принято было говорить в этой стране. Это письмо стало достоянием общественности в день открытия в Токио заседания «Большой семёрки», куда впервые был приглашён и российский президент Ельцин Б.Н. И это имело

*Встреча Президента РФ Ельцина Б.Н. с Сайто Рокуро в Посольстве РФ в Японии
(октябрь 1993)*

эффект взорвавшейся бомбы! По телевидению бегущей строкой без остановки шла информация об этой бесценной архивной находке, газеты давали свои комментарии, высказывались эксперты. Только представители японского правительства молчали, правда, до определённого времени, после чего буквально забросали российский МИД всевозможными запросами по поводу места хранения и правил использования этого документа. Ещё более сильный шквал недовольства последовал от представителей МИД Японии, когда во время официального визита в Японию Ельцина Б.Н. мне с помощью

президентской протокольной службы и охраны удалось организовать (вне заранее согласованной программы) короткую встречу президента Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных Сайто Рокуро с Ельциным Б.Н. в посольстве РФ в Токио. Именно тогда российский лидер произнёс слова извинения в адрес японского народа за антигуманные действия сталинского режима в отношении японских военнопленных. Это неожиданное заявление имело огромный позитивный резонанс в Японии, но было неоднозначно воспринято в России.

НР: Как отреагировали на это те, кто прошёл советские лагеря?

ЕК: Конечно же, с признательностью, но со слезами на глазах. Но не только слёзы были, были и конкретные дела. И одно из самых заметных из них – возведение в деревне Ивановка Амурской области так называемой «Стелы покаяния». Так по инициативе Сайто Рокуро члены Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных решили от имени японского народа выразить свои ответные чувства извинения в адрес жителей этого поселения, ставших жертвами жестокой расправы со стороны японских оккупантов и белогвардейцев в 1919 году. Тогда здесь расстреляли и сожгли заживо 257 человек. Сайто Рокуро написал об этой трагедии в Бюллетене Ассоциации, и в Японии началась общественная кампания по сбору средств на строительство памятника. А уже летом 1995 года состоялось его торжественное открытие. Честно признаюсь, что это строительство потребовало от меня максимум усилий. Дело в том, что всё происходило во многом хаотично, без каких-либо предварительных рисунков и проектных схем. По ходу стройки и русские, и японцы вносили свои идеи в совместно придуманный дизайн. Но самое главное: не хватало символики, объединяющей наши народы. И тут Сайто Рокуро предложил разместить на стелле большое металлическое панно в отчеканенном на нём образе Марии-Каннон, своеобразным олицетворения двух религий – христианства и буддизма, о чем я уже упоминала в своём рассказе. Эта идея тогда понравилась всем, и с тех пор Мария-Каннон «переселилась» на Амурскую землю, а из Японии ежегодно приезжают сюда те, кто когда-то участвовал в реализации этой замечательной идеи. В 2019 году в Ивановке отмечали 100 лет этой трагедии. Среди почётных гостей были представители Японии, а также посчастливилось и мне вновь побывать в знакомых местах.

НР: Слушая вас, я отчетливо представляю, как, благодаря работе в Ассоциации бывших военнопленных, вы смогли прямо соприкоснуться с самой историей, узнать то, что не всегда можно прочесть в книгах или газетах.

ЕК: Пожалуй, вы правы. И в этой связи мне хочется вспомнить ещё одну интересную историю. Приближалось 50-летие окончания Второй мировой войны, и Сайто Рокуро решил организовать в Токио и в других городах страны передвижную выставку «Сибирский плен». На этой выставке предлагалось показать художественные поделки, сделанные японскими военнопленными перед репатриацией на родину в качестве подарков Сталину И. В. и советскому государству. Идеологическая работа была поставлена в советских лагерях на прочную основу, и буквально каждый военнопленный перед отправкой на родину был обязан либо подписать, либо написать в адрес советского руководства благодарственное письмо за внимание и заботу, которым он якобы был окружён в советских лагерях.

Идеологическое воспитание в лагерях (картина японского художника-военнопленного)

Ярким примером этого пропагандистского фарса служит хранящееся в Российском государственном военном архиве (РГВА) 50-метровое Красное знамя с почти ритуальным набором слов и именами японцев – создателей этого шедевра. Всё это вышито золотыми нитями, выдернутыми из погон японских офицерских мундиров. Иногда такого рода письма оформлялись в виде свитка и помещались в специально сделанную для этого шкатулку на красивой подставке, декорированную натуральными камнями.

Красное знамя со словами благодарности советским вождям

В общем, фантазии для выражения высоких чувств не было предела. И все эти художества до сих пор хранятся в запасниках РГВА, хотя не раз их намеревались просто сжечь, либо передать японской стороне. Думаю, второе решение выглядит куда благоразумнее. Правда, вопрос в том, как распорядятся такими подарками сами японцы. Тем более, что все вещи достаточно ветхие и не предназначены для перевозок. Но в 1995 году был первый показ этой необычной коллекции в Японии, и, чтобы обеспечить гарантированный успех готовящему мероприятию, было решено привести из России японские священные сокровища, принадлежавшие последнему китайскому императору *Пу И*⁴². Для этого мы вместе с г-ном Сайто отправились на переговоры в Центральный музей вооруженных сил РФ. До сих пор не могу понять, откуда ему было точно известно, где хранятся эти реликвии, ведь до сих пор даже такой авторитетный журнал, как «Родина» продолжает публиковать дискуссии по поводу их местонахождения. Другое дело – подлинность этих императорских регалий, подаренных Пу И, но это уже вопрос к японским историкам. Нам же удалось не только убедиться в их наличии в запасниках музея, но даже и увидеть, правда, не в полном комплекте: отсутствовала священная яшма. Зато вид священного зеркала, как я хорошо помню, крайне разочаровал меня. Оно было изготовлено из металла, который изрядно проржавел. Но думаю, что в этом не стоит винить хранителей музея. Эти экспонаты никогда не выставлялись для показа, да и, как мне рассказали местные служители, к ним просто боятся прикоснуться, поскольку на этот счёт в музее сочинили уже много страшных легенд. Во всяком случае, в демонстрации священных сокровищ в Японии нам, в

⁴² *Пу И* 溥儀 (1906–1967) – Десятый представитель маньчжурской династии Айсиньгёро 愛新覺羅, последний император государства Цин, император Маньчжоу-го.

конечном счёте, отказали. Но выставка «Сибирский плен» прошла успешно. Правда, в связи с неожиданной смертью г-на Сайто, все хлопоты и неприятности по поводу возвращения в Москву всех представленных на ней экспонатов, пали на меня. Но это, как говорится, совсем другая история.

НР: Как же оценили в Японии всю ту большую и во многом подвижническую гуманитарную деятельность, которую вы с такой самоотдачей вели все эти годы?

Встреча на вокзале в г. Мацумото (апрель 2000)

ЕК: Меня наградили серебряной медалью «За мир и гуманизм», но это общественная награда. Японские официальные круги в те годы всеми возможными путями обходили вниманием вопросы, связанные с проблемой военнопленных, чтобы снять с международной повестки дня ответственность своей страны за военные преступления в годы 2-й мировой войны. Вспомните, к примеру, как хорошо известный японский премьер-министр Абэ Синдзо⁴³, поставивший своей целью подписать мирный договор между Японией и Россией, в своих речах всячески избегал слова «агрессия», впрочем, так же, как и слов извинений перед народами, ставшими ее жертвой.

А ещё, хотя мне крайне неловко об этом говорить, но всё же надо признаться, что в 2000 году в г. Мацумото префектуры Нагано в

⁴³ Абэ Синдзо (1954 г.р.). Политик и гос. деятель. Председатель Либер.-демокр. партии (2006–2007, 2012–2020). Премьер-министр Японии (2006-2007, 2012-201?).

общественном Музее права и закона был открыт «Мемориальный зал Елены». Там были представлены написанные мною статьи, фото, архивные документы и другие материалы, связанные с моей жизнью и работой в штабе Ассоциации бывших военнопленных. На открытии экспозиции присутствовало более тысячи бывших военнопленных, приехавших из многих префектур Японии, жители города, а также мои японские друзья и даже русский священник – отец Николай, женатый на японке и служивший в соседней префектуре в православной церкви.

Торжественное открытие Мемориальной комнаты Елены Катасоновой в местном Музее г. Мацумото (апрель 2000)

Он приехал в Мацумото специально, чтобы освятить мой «маленький музей». Организаторы тогда предусмотрели, кажется, всё: в торжественной обстановке в знак дружбы между Россией и Японией мы с мужем и моим близким японским другом и соратником Сираи Хисая⁴⁴ посадили перед входом в музей цветущую сакуру, о чем должен был напоминать мемориальный камень, размещённый под кроной дерева. Более того, в тот же день в огромном зале местного Дома культуры состоялась моя лекция, а затем и презентация моей первой книги, вышедшей в Японии. Она так и

⁴⁴ *Сираи Хисая* (1933 г.р). Журналист и историк, обозреватель газеты «Асахи», в 1970-е гг. руководитель представительства «Асахи» в Москве. Автор ряда книг об СССР, основатель и руководитель Яп.-рос. Центра ист. исследований, Почетный профессор РАЕН.

называлась: «Мост над Сибирью»⁴⁵, где я рассказала о своей жизни и работе в Японии. И что самое приятное – все эти торжества снимала съёмочная группа российского телевидения, и это было показано в популярной в те годы передаче «Международная панорама». Но об этом уже мало кто помнит.

НР: Но сами японцы помнят об этом?

ЕК: Бывшие военнопленные и все мои друзья в Японии помнят. Но в мэрии города Мацумото, к сожалению, постарались побыстрее забыть об этом памятном событии. Наверное, всё по той же известной причине: не любят здесь говорить о поражении Японии в годы войны и вспоминать её последствия. Через несколько лет экспозицию закрыли, заменив странными комиксами о пребывании японцев в сибирских лагерях. В этой стране любят комиксы «манга» и изображают при помощи их буквально всё: от политических программ до учебников. Но в данном случае эти рисунки выглядят, на мой взгляд, крайне неуместно. А случилось это после внезапной болезни и безвременной кончины директора музея – историка и предпринимателя г-на Камэи⁴⁶, который к тому времени уже собрал большую коллекцию архивных документов по «сибирскому плену», в том числе из архива МИД Японии, и собирался организовать на базе музея специальный исследовательский отдел. Вскоре после ухода из жизни этого замечательного человека от его планов и от всего созданного им не осталось и следа! Пострадала даже посаженная мною сакура: её перенесли на задворки музея. Но всё-таки она жива!.. Вот такая прекрасная и грустная история случилась со мной.

НР: Но тема военнопленных для вас никогда не теряла своего значения.

ЕК: Да, это так. Проработав в Японии до конца 1995 года, в связи со смертью г-на Сайто, я вернулась в Москву еще до окончания официального срока научной командировки и какое-то время работала в московском офисе Ассоциации. А затем, естественно, пришла в Институт востоковедения, рассчитывая, что меня здесь встретят с распростёртыми объятиями и похвалой за проделанную работу. Но не тут-то было! В Институте проводили очередное сокращение штатов, и я второй раз в своей жизни попала под жернова бюрократической машины. В отделе кадров меня настойчиво убеждали в том, что у меня утеряны связи с Институтом, что в моём возрасте

---

⁴⁵Катасонова Е.Л. «Мост над Сибирью» (Сибэриа – ни какэру хаши). Токио, издательство «Кобунся» 1997.

надо уже сидеть дома и от нечего делать заниматься мемуарами. А посему было предложено написать заявление об увольнении по собственному желанию. Мне тогда было 45 лет.

НР: Но вас всё-таки не уволили?

ЕК: Спасла, как всегда, случайность: моё заявление каким-то странным образом умудрились потерять в стенах Института! И, чтобы окончательно решить мою судьбу, мне предложили пройти переаттестацию. И вот чудо! – заслушав мой отчёт о проделанной в Японии работе, меня не только не уволили, но и повысили в должности! Я стала старшим научным сотрудником! С этого момента началась моя напряжённая научная жизнь.

НР: И вы продолжили изучать тему военнопленных?

ЕК: Изучение проблемы японских военнопленных было в ту пору новым направлением в российской историографии, а, вернее сказать, надо было ещё доказать право на существование этой тематики как предмета научных исследований. Но меня тогда поддержала руководитель Центра японских исследований, доктор исторических наук *Молодякова Эльгена Васильевна*⁴⁷ –

На юбилее Молодяковой Э.В. (Москва, 2012)

⁴⁷ *Молодякова Эльгена Васильевна* (1937–2016). Японовед, историк, политолог и культуролог. Д.и.н., профессор, руководитель Центра яп. Иссл., замдиректора ИВ РАН. Автор около 250 научных и популярных статей, 8 монографий, составитель и главный редактор нескольких десятков коллективных монографий. В 2000-е годы стала одним из признанных лидеров российского японоведения.

человек смелый, решительный, высокопрофессиональный. Остро чувствуя всё актуальное, она приветствовала новые взгляды и новые подходы в науке. Правда, конечно, не все, а только взвешенные и аргументированные. Она относилась к числу японоведов, которые одинаково успешно писали и об истории Японии, её внешней и внутренней политике, и о культуре, религии, обществе и даже о кулинарии и праздниках. Именно таким, на мой взгляд, и должен быть настоящий знаток Японии! И сегодня я стараюсь в силу своих возможностей продолжать эту традицию. А тогда, поговорив обстоятельно с Эльгеной Васильевной, я, наконец, окончательно определилась с тем, чем буду заниматься в ближайшие годы. И в правильности этого выбора я ещё раз убедилась, получив вскоре после этого неожиданное предложение из Института военной истории Министерства обороны РФ.

НР: Но при чём здесь было министерство обороны?

ЕК: Так случилось, что примерно в это же время в Институте военной истории Министерства обороны РФ приступали к созданию сборника архивных документов «Японские военнопленные в СССР» в рамках серии «Русский архив. Великая Отечественная война», которая издавалась тогда издательством «Терра». И меня пригласили поучаствовать в подготовке этого труда. Так я стала по совместительству старшим научным сотрудником Института военной истории, и с головой погрузилась в архивы. В центральных российских архивах я с энтузиазмом проводила не только часы, но и дни, целые недели и даже месяцы! Не буду долго рассказывать о том, с каким усердием перелистывала страницу за страницей десятки массивных папок с документами, связанными с пребыванием японцев в советских лагерях, выискивала новые данные и прослеживала неожиданно открывавшуюся для меня взаимосвязь многих политических событий того времени. Так охват исследуемой мною темы постепенно расширился до рассмотрения связанных с ней международных аспектов. А это был совершенно новый для меня и малоисследованный пласт. Конечно, были и свои маленькие открытия. Но появлялись и вопросы, на которые я до сих пор не нашла аргументированных ответов. В частности, главный из них: почему, в нарушение Потсдамской декларации, Сталин И.В. отдал приказ об отправке военнопленных японцев не к их мирным очагам, как было обещано союзниками, а в советские трудовые лагеря? На этот счёт существует много версий, предположений, с которыми мне прежде не раз приходилось выступать и на международных конференциях, и в прессе. Но доказать самую главную из них документально пока до конца не удалось...

НР: Какие результаты дала в итоге эта архивная работа?

ЕК: О проблемах, связанных с японскими военнопленными, я могу рассказывать бесконечно, а посему сразу же перейду к итогам моей работы в архивах: это две индивидуальные монографии – «Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав» (М., 2004)⁴⁸, которая затем вышла в Японии под названием «Почему солдаты Квантунской армии были интернированы в Сибирь?»⁴⁹, и «Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы советско-японских отношений»⁵⁰. А в 2012 г. вышел сборник архивных материалов с научными комментариями – «Японские военнопленные в СССР: 1945–1956»⁵¹ из серии «Россия. XX век» и, конечно же, десятки статей, интервью и докладов по этой тематике. Но самое главное – это докторская диссертация «Урегулирование гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях между СССР (РФ) и Японией (1945–2000 гг.)». Защищала я её в Институте военной истории в 2004 году, когда моя мама с самым страшным диагнозом лежала в больнице, и трудно было предугадать, сколько ей оставалось жить: то ли несколько дней, то ли пару месяцев. Но я успела порадовать её радостным известием об успешной защите, хотя, признаюсь, что процесс был не из лёгких. Представьте себе суровый исключительно мужской состав диссертационного совета Института военной истории, многие члены которого были военными в отставке. В те годы в этом во многом закрытом исследовательском заведении число работавших там женщин можно было пересчитать буквально по пальцам, а на степень доктора исторических наук и вовсе трудно было замахиваться! Я замахнулась, да ещё и с такой темой, как японские военнопленные. Не скрою, что в советском, да и в российском обществе в те годы были ещё сильны оставшиеся от сталинских времён самые негативные представления о людях, попавших в плен к противнику. О Женевских конвенциях по защите прав военнопленных знали в основном только юристы и правозащитники. Я уже не говорю об отношении к Японии, которая ещё со времен русско-японской войны представлялась в нашей стране чуть ли не

⁴⁸ Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: ИВ РАН, изд-во «Крафт», 2003.

⁴⁹ Катасонова Е.Л. Почему солдаты Квантунской армии были отправлены в Сибирь? (Кантогун хэйси ва надзэ Сибэриа ни окурарэта-ка?). Токио: Изд-во «Сякай хёронся», 2004.

⁵⁰ Катасонова Е.Л. Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М.: ИВ РАН, 2005.

⁵¹ Гаврилов В.А., Катасонова Е.Л. Японские военнопленные в СССР: 1945–1956. Сборник документов. М.: Международный фонд «Демократия», 2013.

самым коварным и опасным врагом, что с годами принимало всё более непримиримые формы. Достаточно вспомнить любимую до сих пор в народе песню «Три танкиста» из кинофильма «Трактористы» (1939), которую, кстати говоря, я тоже очень люблю. В общем, у членов диссертационного совета нашлось немало оснований, чтобы сразу же ополчиться на меня, правда, не по поводу написанного, а по каким-то своим, чисто субъективным причинам. Меня обвиняли в том, что я занимаюсь изучением Японии, знаю японский и несколько лет провела в Японии, помогая бывшим военнопленным в их деятельности. И даже предлагали проверить, не течёт ли в моих жилах японская кровь... Я не буду далее конкретизировать всё сказанное мне в этой связи. Главное одно – этот импровизированный спектакль быстро прекратил член Совета, генерал армии *Гареев М.А.*⁵², бывший заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР по научной и оперативной работе, а в ту пору президент Академии военных наук. Он знал в деталях события того времени, поскольку сам брал в плен японцев и организовывал их отправку в СССР. После его выступления большинство присутствовавших оказались уже на моей стороне, а потом началась обычная процедура защиты. Скажу только, что ведущей организацией выступил Военный университет, а отзывы на автореферат я получила почти из 20 государственных и научных организаций. Так я стала первой женщиной – доктором наук в стенах этого прославленного военного Института (ИВИ) и в скором времени – членом его диссертационного совета. Казалось бы, на этом тема военнопленных для меня была практически исчерпана. Но она никогда не будет закрыта, равно как и другие исторические события, связанные с российско-японскими отношениями и военной тематикой.

НР: Вы много занималась делом *Рихарда Зорге*⁵³ и его группы? Почему и как вы вышли на эту новую для себя тему?

ЕК: Я больше занималась не исследованиями, а координацией контактов российских и японских историков-зорговедов, составляла библиографию по этой проблеме, писала историографические очерки, участвовала в подготовке и проведении международных симпозиумов. Всё это была тоже весьма интересная работа, и вот почему. Инициаторами и организаторами так называемого «Японо-российского центра исторических исследований»

---

52 *Гареев Махмут Ахметович* (1923–2019). Военачальник, генерал армии, военный теоретик и военный историк. Генерал армии. Д.воен.н. (1977) и д.и.н., профессор.

53 *Рихард Зорге* 1895–1944) – нем. журналист, дипломат, советский разведчик, резидент советской разведки в Японии, Герой Советского Союза (1964, посмертно).

выступили японцы, а, конкретно говоря, уже упомянутой мною Сираи Хисая, известный журналист, писатель, долгие годы работавший в газете «Асахи». Он возглавлял её корпункт в Москве в 1970-е годы. Но тогда мы были с ним мало знакомы. Наша дружба и совместная работа началась в Японии с изучения проблем «сибирского плена», которыми он к тому времени занимался уже несколько десятков лет.

Сираи Хисая – мой друг и соратник

Он стал редактором двух моих книг, вышедших в Японии, часто ездил вместе со мной и родственниками умерших по местам японских захоронений. Нам довелось с ним побывать даже на самом далёком северокурильском острове Шумшу, где проходили последние ожесточённые бои Второй мировой, и где Ассоциация военнопленных построила 100-й по счёту памятник.

На сей раз – общий памятник советским и японским солдатам, погибшим в последних ожесточенных боях. Никогда не забуду этой поездки не только в далёкие месте, но и в далёкое прошлое. Прилетев на двух вертолётах и оказавшись буквально на необитаемом острове, мы словно попали в кино о войне: тут и там валялись перевёрнутые японские танки, из земли проступали дзоты и т.д. Но вскоре подскочил на бронетранспортёре местный погранотряд, и началось выяснение отношений. Я заранее предусмотрела такой поворот событий и ещё в Москве подготовила все

нужные документы. Так что теперь и русские, и японцы выступали единой командой, участвуя в открытии нашего совместного памятника.

Открытие памятника русским и японским солдатам на о. Шумшу (июль 1994)

Сирай-сан во всём помогал мне, был мощным мотором в любом деле. Он очень любил Россию и русских, хорошо знал нашу историю, культуру и гордился тем, что являлся почётным профессором Российской академии естественных наук. Я говорю слово «был» и при этом каждый раз страшусь прошедшего времени, ведь этот человек, к великому счастью, ещё жив, но из-за нарушения памяти (после смерти своей жены) отошёл от всякой общественной деятельности. Горько говорить об этом, но годы берут своё! Когда-то он намеревался написать книгу о своей жизни, насыщенной многими интересными событиями и тесно связанной с Россией, но так и не успел, уйдя с головой в общественные дела. А их у Сирай-сан было немало! Но самым любимым его детищем последних двух десятилетий был «Японо-российский центр исторических исследований» и его основное ядро – группа по изучению деятельности Рихарда Зорге, объединившая в своих рядах известных историков и русистов, бывших профсоюзных активистов и учителей, журналистов и домохозяек. Что у них общего? – Большой интерес к России. А ещё – желание встречаться, общаться, вместе заниматься одним важным делом. И таким делом стало для них изучение жизни и деятельности Зорге и его соратников.

Каждый год 7 ноября, в день казни Зорге, члены Общества встречаются возле его могилы на кладбище Тама, приводят её в порядок и выступают с

речами, а затем в одном из ритуальных залов проходит либо лекция, либо небольшая конференция, посвящённая новым исследованиям по этой тематике. Эта традиция сохранилась и по сей день. А вот ежеквартальный бюллетень, который издавал Сираи и его команда, пару лет назад прекратил своё существование. Это было объёмное научно-популярное издание, где публиковались библиографические обзоры статей и книг, посвящённых Зорге и вышедших не только в Японии, но и в других странах, исследования японских учёных и переводы книг зарубежных зорговедов, материалы по истории японо-российских отношений.

С японскими историками у могилы Рихарда Зорге (1998)

2-й международный Симпозиум в память о Рихарде Зорге (Москва, 25.09.2000)

За всё время существования Общества было издано 50 таких выпусков, причём, подчеркну, целиком и полностью руками этих людей-энтузиастов и на их личные средства. Следует сказать также несколько слов и о международных симпозиумах, которые по инициативе руководства общества прошли во многих странах – России, Монголии, Германии, Китае. Зачинщиком всего этого был мой друг Сираи-сан. Говорят, что нет незаменимых людей, но он оказался исключением из правил. После его ухода Общество прекратило своё существование. Правда, буквально несколько месяцев назад мне пришло письмо из Японии, где сообщалось о создании инициативной группы по воссозданию этой организации. Это для меня радостная весть!

НР: Почему в Японии так уважают Зорге?

ЕК: Может показаться странным, что в Японии так почитают советского разведчика, занимавшего здесь сбором разведывательной информации в пользу СССР, арестованного японской политической полицией и казнённого в стенах старейшей токийской тюрьме Сугамо. Но японцы уже давно воспринимают все эти события по-другому, считая Зорге и членов его группы бесстрашными борцами за мир, стремившихся не допустить войны между Японией и СССР.

НР: Давайте перейдём теперь к совершенно иной теме – современной японской культуре, которой вы активно занимаетесь последние 20 лет. Чем объяснить очередной столь резкий поворот в ваших научных изысканиях?

После подписания Соглашения о сотрудничестве между Московским государственным текстильным университетом и японской Академией моды «Сугино» (март 2012)

ЕК: Хотите – верьте, хотите – нет, но всё это также во многом связано с темой военного плена! Это произошло в Токио, сразу же после торжеств в Мацумото, о которых я уже рассказывала. В один прекрасный день меня попросил о встрече бывший военнопленный Фудзимори Итиро. Мы с ним прежде никогда не встречались, хотя он был среди участников того знаменательного для меня мероприятия. На тот момент мне было известно о нём только то, что он пробыл в советских лагерях под Владивостоком больше 4-х лет, хлебнул, как говорится, немало лиха, но прикипел душой к нашей стране. И, теперь, став председателем правления старейшей в Японии Академии моды «Сугино», он хочет подружить молодёжь наших стран и для этого установить контакты с одним из московских вузов, готовящих будущих дизайнеров. Узнала я всё это от г-на Сирай, которого хорошо знали бывшие военнопленные и обращались к нему по всем делам, связанным с Россией, а он, в свою очередь – ко мне. Так он стал координатором этого проекта с японской стороны, а я – с русской, а русским партнёром японской академии – наш старейший Текстильный университет, выпускником которого был прославленный модельер Вячеслав Зайцев. Одним словом, более 20 лет назад я погрузилась в совершенно незнакомый для меня мир моды! К счастью, эти контакты продолжаются и по сей день, за что меня вместе с Вячеславом Зайцевым, который не раз приезжал в Японию и проводил там мастер-классы, возвели в почётный ранг приглашённых профессоров этого вуза. Конечно, я не являюсь экспертом в области моды, но прилагаю усилия к тому, чтобы знакомить японцев с нашей культурой, развивать наши связи и взаимопонимание.

В Академии моды «Сугино» (Токио, 2005)

НР: Посчастливилось ли вам встречаться и беседовать с известными японскими дизайнерами одежды?

ЕК: Из наиболее известных назову лишь два имени, но они стоят сотен! Это – основательница современной японской моды *Мори Ханаэ*⁵⁴, выпускница Академии моды «Сугино», до недавнего времени неизменный председатель жюри конкурса молодых модельеров, который ежегодно проходит в Токио с участием российских студентов. Г-жа Мори соединила в своём искусстве моду Востока и Запада, сделав изображение бабочки своим фирменным знаком и провозгласив своим главным лозунгом изящество и элегантность. Не зря её клиентами были и супруга японского императора, и жены президентов западных стран, и мировые кинозвезды. Кстати говоря, именно Мори стала художником по костюмам японского фильма «Шпион Зорге», который демонстрировался и у нас в стране тоже. Фильм снял известный японский режиссер *Сонода Масахиро*⁵⁵ по сценарию, как писали у нас на обложке DVD этой ленты, японского историка Сираи Хисая. Это была ошибка: Сираи не писал сценария, но он был другом Сонода, помогал ему с материалами, консультировал. А ещё ему как члену правления Академии моды удалось уговорить г-жу Мори поработать над костюмами героев этой картины. Как говорится, мир тесен. В моей жизни эта поговорка не раз подтверждала себя!

А второе имя – это *Миякэ Иссэй*⁵⁶. Он редко бывает в Японии, работая главным образом в Париже и других европейских столицах, как и многие другие известные японские дизайнеры одежды, создающие свои модели с ориентиром на мировую моду и западного покупателя. Это, впрочем, не мешает им иметь свои офисы и даже часть производства у себя на родине. Ну, а внутренние потребности самих японцев в современной красивой одежде удовлетворяют совершенно другие люди, также талантливые, перспективные, но нацеленные на свой отечественный рынок. Вот почему платья и костюмы марки Миякэ Иссэй, впрочем, также, как и *Ямамото Ёдзи*⁵⁷, *Кавакубо Рэй*⁵⁸ и многих других модных кутюрье можно найти в

---

54 *Мори Ханаэ* (1926 г.р.). «Королева японской моды», дизайнер, парфюмер, основатель неск. модных домов и профессионально ориентированных учебных заведений мира моды.

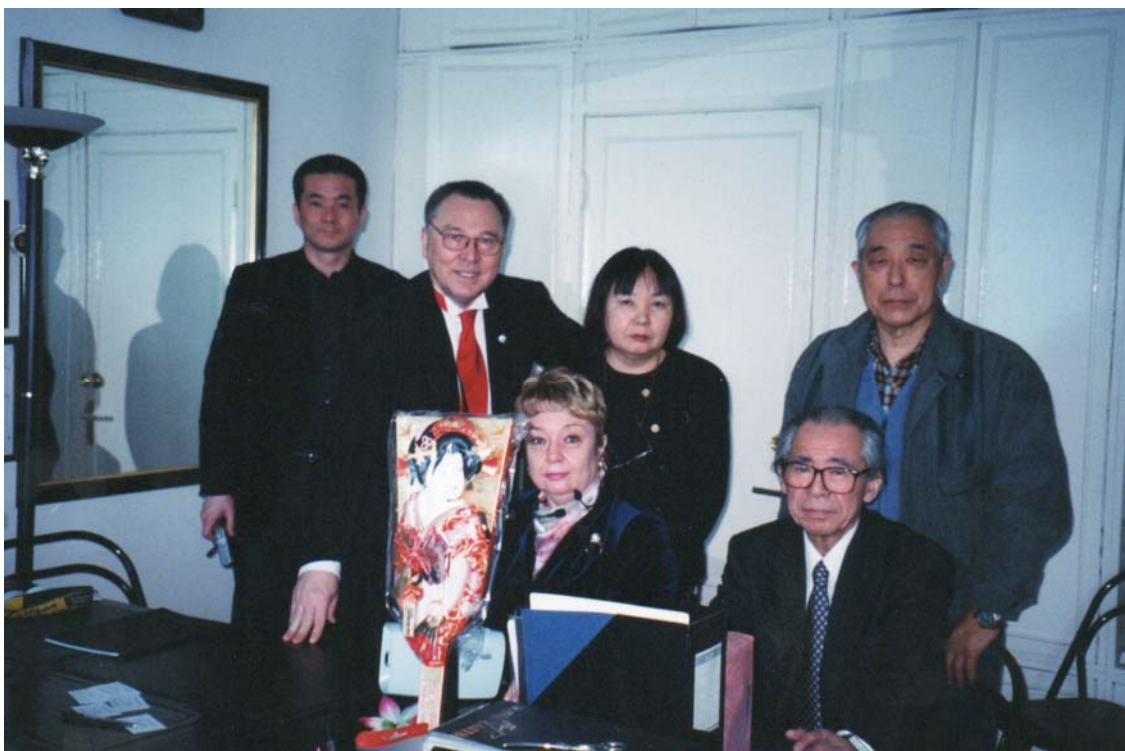
55 *Сонода Масахиро* (1931 г.р.). Знаменитый кинорежиссёр, один из представителей «Новой волны „Офуна“» – движения яп. кино, возникшего на рубеже 1950–1960-х гг.

56 *Миякэ Иссэй* (1938 г.р.). Модельер и дизайнер, основатель модного дома *Issey Miyake*. Представитель концептуальной моды, приверженец инновационного и одновременно функционального дизайна с применением новых технологий.

57 *Ямамото Ёдзи* (1943 г.р.). Всемирно известный дизайнер одежды. Один из важнейших представителей деконструктивизма в моде.

Токио только в их фирменных бутиках, да ещё в универмаге «Исэтан». Это я рассказываю для того, чтобы меня поняли, в какое трудное положение были поставлены руководители Академии моды «Сугино», пригласившие в Японию *Зайцева В.М.*⁵⁹, когда тот высказал просьбу о встрече с Миякэ Иссэй, работами которого не переставал восхищаться многие годы.

Встреча преподавателей японской Академии моды «Сугино» с В.М. Зайцевым

Но, по счастливому стечению обстоятельств, Миякэ оказался в эти дни на родине, а, может быть, специально приехал для встречи – этого я не знаю, но живое интересное общение этих двух мэтров мировой моды, а к тому же, и ровесников по возрасту, всё-таки состоялась!

НР: И кто переводил их беседу?

ЕК: Беседу пришлось переводить мне, что уже заранее приводило меня в жуткое волнение. Ведь Зайцев говорит сложно, образно, залетая мыслями в астрал. Ну, а с японским модельером мне до этого и вовсе не приходилось встречаться! И я представляла себе, что вот-вот в дверях покажется важный

---

58 *Кавакубо Рэй* (1942 г.р.). Дизайнер, основатель бренда *Comme des Garçons*, «гений современного авангарда».

59 *Зайцев Вячеслав Михайлович* (1936 г.р.). Российский художник-модельер, живописец и график; Народный художник РФ (2006), лауреат Гос. премии РФ (1995). Почётный гражданин Парижа.

надменный человек, страшно занятый и согласившийся лишь поприветствовать двумя словами своего русского коллегу, которого вряд ли знал. Дело в том, что современная российская мода почти неизвестна в Японии, а в международных показах в Париже и в остальной Европе Зайцев в последнее время не участвовал. Но неожиданно в комнату лёгкой стремительной походкой вошёл стройный, моложавый, необычайно приветливый мужчина, и мимолетно всё напряжение от ожидания исчезло! Думаю, все участники получили необычайное удовольствие от этой встречи, и даже я от своего перевода, вернее, от своего непосредственного участия в общении этих двух интереснейших и близких по своему художественному складу людей. Именно тогда я впервые, к своему удивлению, услышала от самого г-на Миякэ, что в день американской бомбардировки Хиросима он, будучи ещё маленьким мальчишкой, проезжал на велосипеде неподалёку от эпицентра взрыва и получил большую дозу облучения, которая обрекала его на верную смерть. Но он выжил, вылечился от онкологии и выбрал столь прекрасную мирную профессию. И снова война и искусство, и их удивительное переплетение...

НР: Как вы относитесь к моде, почему занялись её изучением?

ЕК: Конечно, моду можно воспринимать по-разному: и на бытовом уровне, и в социальном ключе, как художественное явление и важную часть культуры. Эта мысль натолкнула меня на идею заняться историей современной японской культуры – темой, которая долгое время находилась у нас за рамками японоведческих исследований. О японском средневековом театре, традиционной живописи и классической литературе писали многие наши выдающиеся учёные, начиная с академика Конрада Н.И. Современному театру посвятила в 1977 году свою монографию ныне покойная сотрудница нашего Института, д.ф.н. *Гришелева Л.Д.*⁶⁰. В библиотеке можно отыскать её книгу «Культура послевоенной Японии», написанную вместе с её коллегой, д.ф.н. *Чегодарь Н.И.*⁶¹ в 1981 г. Но это, пожалуй, всё, что мы получили в наследство от наших старших коллег, если не считать, конечно, блестящих

---

60 *Гришелева Лидия Диомидовна* (1926–1993). Востоковед, японовед, д.ф.н., сотрудник ИВ РАН, основная область научных интересов – культура Японии нового и новейшего времени. Автор таких работ, как «Театр современной Японии» (М., 1977), «Культура послевоенной Японии» (М., 1981), «Формирование японской национальной культуры. Конец XVI – начало XX века». М., 1986) и др.

61 *Чегодарь Нина Ивановна* (1924–2011). Литературовед, востоковед-японист, д.ф.н., переводчик, сотрудник ИВ РАН., основная область научных интересов – культура и литература Японии нового и новейшего времени. Последняя монография «Литературная жизнь Японии между двумя войнами, М., 2004.

художественных переводов современных японских писателей, вышедших в те годы. Однако с тех пор прошло так много времени! В Японии произошли серьёзные трансформации, затронувшие не только её политику и экономику, но и общество, культуру, художественное и массовое сознание. Грандиозные перемены пережила и наша страна, да и мы сами кардинально изменились, отойдя в своих исследованиях от старых идеологических установок и политических заказов, и поставив во главу угла историческую объективность и научную логику. Но новые идеи, так же, как и новые темы исследований ещё зачастую надо было пробивать в бесконечных спорах и дискуссиях. Но и на сей раз руководитель Центра Молодякова Э.В. оказалась на моей стороне. Все преграды были сняты!

НР: Вы посвятили этой теме целую книгу?

ЕК: Да. В 2012 году увидела свет моя книга «Японцы в реальном и виртуальном мирах»⁶², посвященная новой молодёжной поп-культуре, которая в те годы получила необычайную популярность у нас в стране, как и во всём мире. Я имею в виду японские комиксы «манга», японскую анимацию, известную повсюду под словом *анимэ*, японскую молодёжную уличную моду, современную японскую поп- и рок-музыку – так называемые J-поп и J-rock, авангардную живопись и так далее. Всё это стало предметом моего исследования, которое оказалось весьма востребованным в молодёжной среде, да и в кругу японоведов и культурологов тоже. Так тематика современной японской культуры, чрезвычайно актуальная, сложная и просто необъятная по своему охвату, вошла в нашу отечественную науку, не скрою, с заметным опозданием по сравнению с другими странами. Но к настоящему времени уже появился не один десяток диссертационных работ, посвящённых разным аспектам её изучения.

НР: Что такое современная массовая культура в вашем восприятии?

ЕК: Современная японская массовая культура – это новый для меня реальный и виртуальный мир, в котором я уже существую почти 20 лет. Должна признаться, к своему стыду, что в студенческие годы имела весьма расплывчатое представление о японских комиксах и об анимэ. Тогда мы очень мало знали об этом! В этой связи хочу вспомнить один случай из моей жизни, когда, будучи на практике в Интуристе, заселив в гостиницу очередную группу японских туристов, я, усталая, возвращалась домой на троллейбусе, куда неожиданно вошёл высокий японец с длинными волосами,

---

⁶² Катасонова Е.Л. Японцы в реальном и виртуальных мирах. М.: Восточная литература, 2012.

похожий на художника. Он, как выяснилось потом, оказался композитором, приезжал в Москву для переговоров с Госконцертом, но не говорил по-русски и из-за этого чувствовал себя дискомфортно. Я что-то объяснила ему на японском, и он обрадовался возможности общения. На следующий день он предложил мне встретиться вновь, но я не придавала этому никакого значения. А спустя много лет после этой, вроде бы, ничем не примечательной встречи я оказалась в Японии в качестве переводчика прославленного коллектива - Большого симфонического оркестра (БСО) под руководством Федосеева В.И. Сейчас он носит названием Оркестр имени Чайковского П.И. Мы, а это 121 человек, плыли теплоходом по уже знакомому мне маршруту из Находки в Иокогаму. И когда причалили к берегам Японии, то сразу же увидели встречающих нас представителей принимающей стороны – музыкальной компании «Музыка» во главе с её вице-президентом Такаи Тацуо.

С ним у меня сразу же установились добрые человеческие и рабочие контакты. Однажды после концерта мы зашли с ним в бар поболтать, и за бокалом вина стали по очереди вспоминать интересные эпизоды своей жизни. И вдруг я почему начала рассказывать ему про свою давнюю встречу с японским композитором, а дальше мой рассказ продолжил г-н Такаи.

Вместе с композитором Такаи Тацуо во время гастролей БСО в Японии

Да, это был тот самый музыкант из моих воспоминаний! Оказывается, он долго искал меня в Москве через Госконцерт, при этом почему-то перепутав моё имя и назвав меня Ириной!

НР: Ещё одна знаменитость в кругу ваших знакомств!

ЕК: Это так. Такаи оказался известным в Японии композитором. Он написал много разнообразной музыки – от симфонических сюит до песен к телепостановкам и кинофильмам. Но больше всего он гордится своими работами для анимэ и особенно своим сотрудничеством с отцом современной японской анимации *Тэдзука Осаму*⁶³. «Разве вы не знаете такой известный японский анимэ-фильм, как «Астробой»? Не слышали музыки к нему?» – однажды спросил меня господин Такаи. – И с обидой прибавил: «Это же я написал!». Но я, к своему стыду, не знала ничего об этом фильме. Теперь, каждый раз подъезжая к станции «Такаданобаба», что на линии салатового цвета Яманотэ в Токио, я вспоминаю слова упрёка моего друга. Здесь неподалеку когда-то находилась первая анимэ-студия Тэдзука, и в память об этом каждый подъезжающий поезд здесь встречают торжественным маршем, написанным господином Такаи к анимэ «Астробой», ставшим классикой японской анимации!.. О современной японской культуре я тоже могу говорить бесконечно, да и есть, о чем говорить! Но вернёмся к этой теме как-нибудь в следующий раз.

НР: Хорошо! Думаю, для этого у нас есть много возможностей. Но всё-таки, неужели вы даже не упомянете о своей последней книге «Новое японское кино: в споре с классикой экрана»⁶⁴, которая вышла в 2019 году? Это же тоже продолжение ваших исследований современной японской культуры?

ЕК: Честно говоря, я затеяла целую серию книг под общим названием «Очерки современной японской массовой культуры». И книга о кино – это вторая моя работа, написанная на эту тему. Почему кино? Да потому что кино было и является самым массовым искусством наших дней, хотя и это сегодня, возможно, уже проблематично. Говорят, что когда-то кинематограф взял верх над театральным искусством, перетянув в кинотеатры значительную часть любителей драматических и музыкальных спектаклей. Теперь в скором времени предсказывают гибель кино, которое, якобы, вытеснит с экранов анимация. Об этом можно много говорить и спорить, но время покажет. Тем не менее, кино по-прежнему в фаворе у японцев, особенно у старшего поколения. Да и японские кинематографисты всё громче заявляют о себе на самых престижных международных

---

63 *Тэдзука Осаму* (1928–1989). Японский «мангака», аниматор, доктор медицины. Внёс значительный вклад в дело становления манги и анимэ. За свою карьеру создал около 500 манга, за что удостоен многих премий и наград, и около 60 анимац. фильмов и сериалов.

64 Катасонова Е.Л. Новое японское кино. В споре с классикой экрана. М.: ИВ РАН, 2020.

кинофестивалях. Один из последних примеров этого триумфа – Золотая Пальмовая Ветвь Каннского кинофестиваля, присуждённая японскому кинорежиссеру Корээда Хирокадзу в 2018 году за фильм «Магазинные воришки».

НР: А лично вам приходилось ли встречаться и общаться с деятелями японского кино?

ЕК: Не только общаться, но и в какой-то мере дружить. И, возможно, именно встречи с этими людьми побудили меня заняться историей японского кино. Подчеркну, именно историей, а не искусствоведческим анализом, поскольку я пишу о японских фильмах с позиции учёного-японоведа в широком контексте основных политических, экономических и общественных процессов, происходивших в послевоенной Японии...

НР: Кто эти люди, какие они?

ЕК: Первой моей знакомой из японского киномира стала *Курихара Комаки*⁶⁵ – самая популярная японка советского экрана, снявшаяся в нескольких совместных советско-японских фильмах. В октябре 1973 года нашу страну впервые за долгие годы посетил с официальным визитом тогдашний японский премьер-министр Танака Какуэй⁶⁶. По этому поводу в посольстве Японии в Москве провели грандиозный приём, на который впервые в жизни была приглашена и я – как сотрудница ССОД. В основном там присутствовали мужчины в строгих костюмах и с суровыми лицами. И только Комаки в роскошном длинном белом одеянии, и я, советская девушка-комсомолка в скромном синем шерстяном платье, правда, с белоснежным кружевным воротничком ручной работы, походили на инопланетянок, которые привлекали к себе особое внимание каким-то несоответствием времени и месту, а, может, просто своей молодостью.

---

⁶⁵ *Курихара Комаки* (1945 г.р.) Яп. актриса, снимается в кино с 1967 г. В 1974 г. впервые снялась в совместном сов.-яп. фильме «Москва, любовь моя», в роли девушки из Хиросимы. Фильм имел большой успех в СССР и Японии. В 1976 г. сыграла в сов. фильме «Мелодии белой ночи» молодую яп. пианистку, приехавшую в Ленинград и полюбившую русского композитора-дирижёра. В 1978 г. снялась в фильме «Экипаж» в роли пассажирки. В 1981 г. участвовала в постановке А. Эфросом в Токио пьесы Чехова «Вишнёвый сад», сыграв роль Раневской. В том же году работала в жюри программы худ. фильмов XII Моск. межд. кинофестиваля. В 1988 г. снялась в фильме Александра Митты «Шаг» в роли Кэйко – женщины (чей сын болен полиомиелитом), кот. обращается к сов. медикам, разработавшим вакцину от этой болезни. Владеет театром, где ставит в основном пьесы рос. драматургов. Ведёт обществ. деятельность как советник ЮНЕСКО по делам детей.

⁶⁶ *Танака Какуэй* (1918–1993). Политический деятель, лидер Либер.-демокр. партии и премьер-министр Японии (7.07.1972–9.12.1974).

С Комаки Курихара и членами японской правительственной делегации (октябрь 1973)

Вновь вспоминаю первый бал Наташи Ростовской, и те ощущения нескрываемого волнения и восторга, которые я испытывала тогда. Весь вечер я провела возле Комаки, которая снималась тогда в совместном советско-японском фильме «Москва, любовь моя».

Мы много разговаривали и смеялись. А потом, много лет спустя, судьба не раз сводила нас и в Москве, и в Токио, по разным знаменательным поводам, иногда печальным, но по большей части радостным. Помню, как она приезжала в Москву в сентябре 2004 года на 30-летие выхода в свет любимого у нас в стране фильма с её участием, которое было организовано известным артистом балета Андрисом Лиэпа.

Новая встреча через 22 года в г. Цуруока на спектакле Курихара Комаки (1995)

Торжественный концерт в Большом театре состоялся, но настроение всех собравшихся было омрачено трагическими событиями в Беслане. Комаки всё это знала и искренне сочувствовала русским людям. В те дни мы встречались с известным режиссером *Сергеем Соловьёвым*⁶⁷, который дружил с Комаки с тех пор, когда снимал её в своей картине «Мелодии белой ночи». Оба с удовольствием вспоминали о приятном и плодотворном сотрудничестве и даже договорились продолжить его.

НР: Как они хотели сотрудничать?

ЕК: У Соловьёва уже тогда была задумка создать новый фильм на японскую тему, а, вернее, о трагической судьбе популярной японской кинозвезды 1920–1930-х годов *Окада Ёсико*⁶⁸, о которой тогда писали в российской прессе. Зимой 1938 года она вместе со своим возлюбленным – переводчиком-русистом и начинающим драматургом, коммунистом Сугимото Рёкити оказались с гастролями на Сахалине, откуда они и совершили отчаянный побег в СССР, перейдя советско-японскую границу. Бежали по снегу на глазах у сопровождавших их японских солдат, стремясь любыми путями попасть, как им казалось тогда, в коммунистический рай, где живет великий Сталин и где можно поучиться театральному искусству у самого Мейерхольда⁶⁹! Вскоре эта мечта обернулась для него расстрелом, а для неё – приговором к 10 годам ГУЛАГа. Этот поступок потряс тогда всю Японию и вызвал резонанс в далёкой Москве. Но вскоре эмоции по этому поводу

---

⁶⁷ *Соловьёв Сергей Александрович* (1944–2021). Кинорежиссёр, сценарист, кинопродюсер, педагог. Лауреат премии Ленинского комсомола и Государственной премии СССР, Народный артист РФ, Засл. деятель искусств РСФСР.

⁶⁸ *Окада Ёсико* (1902–1992). Актриса, популярная в Японии до 2-й мировой войны. С 1950-х гг. – сов. кинорежиссёр и актриса, театр. деятель, диктор. Увлекалась зап. театром и разделяя идеи коммунизма, 3.01.1938 вместе с мужем Сугимото Рёкити нелегально пересекла яп.-сов. границу на Сахалине, куда пара прибыла под предлогом новогоднего выступления для пограничников. На сов. стороне перебежчиков схватили и обвинили в шпионаже. Мечта выступать на сов. театр. сцене была использована как улика для обвинения В. Мейерхольда (1874–1940) в связи с иностр. разведкой. Сугимото вскоре был расстрелян (несмотря на просоветские взгляды, членство в КПЯ и работу переводчиком произведений соц. литературы с рус. яз. Окада Ёсико осудили на 10 лет лагерей. В 1953 г. поступила на реж. отделение в ГИТИС, работала в театре им. Маяковского. Поставила фильм «10 тысяч мальчиков» (1961) по сценарию Агнии Барто, где сыграла одну из гл. ролей. В поздние годы играла в яп. кино- и телефильмах, а также в радиопостановках. Умерла в Москве. Прах перевезён и захоронен в Японии.

⁶⁹ *Мейерхольд Всеволод Эмильевич* (1874–1940). Режиссёр, актёр, педагог. Нар. артист РСФСР (1923). 20 июня 1939 г. арестован в Ленинграде, обвинён по 58-й статье УК РСФСР, приговорён к расстрелу, расстрелян 2.02.1940. Реабилитирован посмертно (1955). В конце 1958 г. принято решение о создании мемориального музея-квартиры в Москве.

стихли, и об актрисе вспомнили лишь тогда, когда Радиокomiteту СССР понадобился диктор для вещания на Японию с безукоризненным знанием японского языка. Окада прибыла в Москву, и у неё началась новая жизнь: работа на радио, учеба в театральном вузе, первые роли, первые режиссёрские постановки и даже короткое семейное счастье. Но вскоре всё это вновь сменилось долгими годами одиночества.

НР: Встречались ли вы с этой женщиной?

ЕК: Мне посчастливилось один раз увидеться с этой легендарной японкой уже в её довольно преклонные годы. Её пригласили на Московский кинофестиваль, где демонстрировался фильм японских кинематографистов про японский киномир предвоенных лет. Это была картина и о ней, и не о ней одновременно, но в главной героине нетрудно было прочесть образ самой Окада. Я наблюдала за лицом этой, несмотря на возраст, по-прежнему красивой, японской женщины и, зная её историю, старалась увидеть какие-либо эмоции на её лице. Но напрасно: страшная школа ГУЛАГа хорошо научила её глубоко прятать свои чувства. В 2021 году я побывала на месте тех далёких событий – там, где когда-то проходила граница между Северным и Южным Сахалином, раздел которого был результатом русско-японской войны. Сегодня трудно представить, как эта местность выглядела в те годы: двухполосная асфальтированная дорога, слева и справа от неё – лиственный лес. Поблизости не видно ни людей, ни жилья, и только гул проезжающих грузовых машин нарушает тишину и покой этого тихого уголка. А я старалась представить себе совершенно иную картину: заснеженный лес и двое влюблённых, бегущих от преследования под визг пуль и крики японских солдат и не представлявших себе, какая страшная трагедия ждёт их впереди... К сожалению, в конце этого года от нас навечно ушёл и Сергей Соловьёв! Неожиданно для многих, безвременно, как-то просто и трагично, так и не успев осуществить нашу общую интересную задумку – снять новый фильм вместе с японскими кинематографистами. Но от этой прекрасной идеи отказываться не хочется...

НР: С кем из японских кинематографистов доводилось встречаться ещё?

ЕК: А ещё судьба мне подарила незабываемые встречи со знаменитым режиссёром *Имамура Сёхэй*⁷⁰, который в 1983 году впервые приехал на

---

⁷⁰ *Имамура Сёхэй* (1926–2006). Кинорежиссёр и сценарист. Один из крупнейших послевоенных режиссёров Японии. Снимал кинокартины, в кот. с перспективы

Московский кинофестиваль по пути из Канн, где его картина «Легенда о Нараяме» завоевала Золотую Пальмовую Ветвь. Кстати, потом он повторил свой триумф, получив ещё один высший приз Каннского кинофестиваля за фильм «Угорь». В Москву он приезжал несколько раз, но вместо киношных тусовок и просмотров конкурсных фильмов предпочитал сидеть в комфортном по меркам тех лет номере гостиницы «Россия» и, потягивая виски, рассказывать о своей философии жизни, о скрытом смысле своих знаменитых лент и своих творческих планах. Единственным его слушателем была я, но это его не смущало! Мне было с ним очень интересно! Я понимала все его мысли, чувства, а он, судя по всему, в тот момент нуждался в этом! Потом Имамуре прислал мне письмо из Японии и приглашал приехать на его маленькую киностудию в Иокогама, но я постеснялась ответить ему. И каждый раз, бывая в Японии, намеревалась позвонить по написанному номеру телефона, но всегда меня останавливало что-то. И так продолжалось, пока я не узнала из российских газет о его смерти. Кстати, примерно по той же причине неуверенности в себе я отказалась когда-то поработать с великим *Куросава Акира*⁷¹, о чем не перестаю жалеть.

Президент японской кинокомпании «Тоэй» Окада Сигэру с супругой на Московском кинофестивале (1980-е). Переводчик – Е.Л. Катасонова.

социальных низов в зачастую сатирической манере раскрывал чувственную и сексуальную природу человека. За полувековую карьеру поставил около 20 фильмов.

⁷¹ *Куросава Акира* (1910–1998). Режиссёр, сценарист и продюсер. Один из самых влиятельных кинорежиссёров за всю историю кино. За 57 лет творческой деятельности создал 30 фильмов. Прославился самурайскими фильмами «Расёмон», «Семь самураев», «Трон в крови» и т.д., По праву считается классиком яп. кино, чьё творчество оказало огромное влияние на национальный и мировой кинематограф.

НР: Насколько мне известно, ваша киноэпопея ещё не закончена, и вы собираетесь написать ещё одну книгу про японское кино!

ЕК: Да, если позволят силы и время, обязательно напишу! Тем более, что среди героев следующей книги будут и мои старые японские знакомые – кинематографисты, памяти которых я собираюсь посвятить эту работу. Ну, а потом, наверное, должна появиться монография под названием «Япония в свете софитов», в которой хотелось бы рассказать об истории японской моды, японском театре-варьете «Такарадзука», где все мужские роли исполняют женщины, о любимых старшим поколением эстрадных песнях-балладах энка, под обаяние которых попала и я в молодые годы, а также о теледраме, глянцевого журналах и многом другом.

НР: Мне кажется, что планов у вас ещё, как говорится, «громадьё», а воспоминаний хватит не на одну книгу! Я уже не говорю о том, что вы руководите Центром японских исследований в Институте востоковедения РАН, являетесь членом диссертационного, учёного и редакционного советов Института, членом правления Межрегиональной ассоциации японоведов, входите в состав редколлегии ряда изданий. Вы прошли большой и трудный путь, насыщенный яркими событиями, весьма успешный в профессиональном отношении. Знаю, что вы были счастливы и в личной жизни. Подводить итоги ещё, видимо, рано, да и не стоит! Но, всё-таки, в завершение нашей беседы хочу задать вам два сокровенных вопроса: вы довольны своей судьбой? Хотели бы вы что-то изменить в Вашей жизни, переписать ту или иную её страницу, если бы появилась такая возможность?

ЕК: Вы меня застали врасплох! Я никогда не думала об этом, а может, просто не было для этого повода и времени. Да и трудно верить в чудеса в таком возрасте. Наверное, я отвечу словами из любимой мною песни великого Фрэнка Синатра⁷²: «Это был мой путь!» И надо просто идти вперёд!

Вторая часть интервью с Катасоновой Е.Л.

Москва, 1 января 2022 г.

Интервьюер: Головачёв В.Ц. (ВГ)

ВГ: Как вы относитесь к японской кухне? Готовите ли японские блюда?

---

⁷² *Фрэнк Синатра (Sinatra Frank, 1915–1998)*. Амер. киноактёр, кинорежиссёр, продюсер, шоумен, певец, дирижёр.

ЕК: Какой приятный и вместе с тем непростой вопрос! Сразу отвечу коротко: не готовлю, поскольку это не так просто, да и я по природе не кулинар. Кстати, в Японии существуют даже специальные, в том числе международные школы по приготовлению, на первый взгляд, такого блюда простого, как суси. Причём далеко не каждый их выпускник становится мастером высокого класса.

Учусь делать домашние суси в семье приёмной дочери прославленного японского коммуниста Сига Ёсио

А вообще, традиционная японская кухня – это целый мир вкусов, ароматов и даже цветов, поскольку здесь считаются съедобными, к примеру, кустовые осенние хризантемы, головки которых можно купить на вес в любом супермаркете. Я уже не говорю о декоративных особенностях оформления японской еды, которые должно строго соответствовать времени года и многим другим обстоятельствам. Так, цветовая палитра блюда определяется как минимум сезоном. То есть в зимних кушаньях должны присутствовать белые оттенки, в осенних – жёлтые и оранжевые, в весенних – розовые и зелёные, в летних – красные и зелёные или пурпурные. Это – целые натюрморты, в особенности, если речь идёт о так называемой высокой кухне.

В повседневной же жизни, конечно, всё проще, утилитарнее, но многие традиции домашней кухни насчитывают века. Конечно же, это рис, а также соевая паста *мисо*, которую японцы еще называют «пятый вкус» и широко используют как в приготовлении супов – *мисо-сирю*, так и в мариновании овощей и мяса. Или же *натто* – забродившие бобы со специфическим запахом, которые входят в утренний рацион почти каждого японца. А еще за японским завтраком практически всегда подают своеобразную приправу к рису – *умэбоси* – квашеные плоды особого сорта абрикосов или слив с весьма специфическим резким солено-горьким привкусом. Этому пищевому изобретению уже более 1000 лет, но до сих пор в Японии считают, что *умэбоси* снижает усталость, помогает при болезнях сердца и горла, и очень ценят этот продукт. Кстати, по религиозным и практическим соображениям японцы практически не употребляли мясо более 1000 лет и, в первую очередь, говядину и т.д. А вкус курицы и яиц узнали лишь в XVII в. т.д. Продолжать этот рассказ можно до бесконечности. Но остановлюсь на том, что я далеко не фанат этого сегмента японской кухни, хотя следует признать, что эта еда весьма полезна для здоровья. И, возможно, именно в ней заключен один из секретов японского долголетия.

Но я, к своему стыду, люблю то, что любят все иностранцы – *суси*, *сасими*, *тэмпура*, *якитори* и т.д. А еще как праздничный вариант угощений – *сябу-сябу* или *сукияки*, которые вместе со своими друзьями вы готовите в глубокой сковородке на газовой горелке по типу фондю. На самом деле японцы – большие гурманы. Они любят после работы расслабиться вместе со своими сослуживцами за рюмочкой *сакэ* или стаканом виски со льдом. И тогда начинается «*хасиго*» – буквально это слово означает «лестница со ступеньками», а в реальности – хождение от ресторанчика к ресторанчику или более жизненно: «из забегаловки в забегаловку». На одном месте просиживать весь вечер им скучно.

И вновь буквально два слова о *суси* – еде, которую я долго не понимала и не принимала. И только во время посещения знаменитого рыбного рынка в токийской районе Цукидзи, где практически еще ночью начинается самый крупный аукцион свежих морепродуктов, мне посчастливилось отведать это блюдо в его, так сказать, первозданности. И с этого все началось. Конечно, у меня есть любимые сорта этого кушанья и любимые сусичные в Токио, поскольку теперь я твердо знаю, что в каждом японском ресторанчике вкус этих рисовых колобков с рыбой отличается друг от друга. И дело даже не в цене или престижности заведения. Я, к примеру, люблю сеть весьма демократичных заведений «Мидори суси», буквально не знающих отбоя от

посетителей. Честно говоря, за годы пандемии я изрядно соскучилась по этой еде, поскольку здесь вкус *суси* отличается от ее русской версии, адаптированной к местным вкусовым запросам. Есть даже книга «Суси по всему миру», рассказывающая о том, как в каждой из стран этот продукт приобретал свои национальные особенности, ориентированные на местную специфику. Я же предпочитаю оригинал.

И теперь несколько слов о рыбе *фугу*, вокруг которой не прекращаются страшные рассказы. Еще со студенческих времен я помню историю о том, как один из артистов театра Кабуки внезапно скончался, отведав маленький кусочек этого деликатеса. В действительности это так: фугу содержит в своих внутренностях смертельный яд, поэтому ее разделка разрешена лишь высококлассным мастерам со специальным дипломом. Сейчас об этом уже никто не думает, заказывая себе это рыбное блюдо. Но я все-таки всегда вспоминаю об этой трагедии, когда японские друзья угощают меня этой дорогой и изысканной едой. Однажды я даже побывала в специальном ресторане, где все блюда – от закусок до горячих блюд были приготовлены только из фугу. Оправдывает ли вкус этой трапезы немалый риск и большие цены? Не знаю, думаю, что нет. Но это, как говорится, на любителя. Суть вещей, так же как и еды в Японии, постигается не сразу.

ВГ: Как возникло и развивалось сотрудничество с университетом Хосэй?

ЕК: С университетом «Хосэй», который сегодня входит в пятерку, а то и в тройку самых престижных частных университетов Японии, наш Институт начал сотрудничать еще в начале 1980-х гг. Тогда же было подписано первое соглашение между нашими организациями, на основе которого и начались научные контакты. Это – научные командировки, обмен информацией и книгами, выпуск совместных изданий, проведение международных симпозиумов. Был период, когда в стенах ИВ РАН проходили почти годовое обучение студенты из «Хосэй». Я, к примеру, преподавала им русскую культуру и вела спецкурс по текущим событиям в жизни нашей страны. В те времена, когда система научных обменов была строго регламентирована в СССР, Институт востоковедения являлся для японских научных и учебных заведений чуть ли не единственным «окном» в мир советской науки и образования. И к нам ехали японские специалисты разного профиля, а мы старались достойно принять их, обеспечив не только успешное прохождение научной стажировки, но и комфортные условия пребывания в нашей столице. Кстати, мы сотрудничали тогда не только с университетом «Хосэй». Среди наших научных партнеров были и известные университеты: «Кэйо»,

«Рицумэйкан», «Осакский университет экономики и права» и т.д. К сожалению, все это осталось в прошлом.

Стабильность наших научных контактов нарушила политическая и экономическая нестабильность в нашей стране в 1990-е гг. Вслед за этим большие перемены наметились и во всей системе Академии наук. Японцы начали подыскивать себе новых партнеров, ориентируясь, преимущественно, на образовательные цели и учебные заведения нашей страны, более близкие им по профилю: Московский и Петербургский государственные университеты и т.д. Особо большой интерес японская сторона стала проявлять к региональному сотрудничеству и, в первую очередь, с Дальним Востоком. Одновременно с этим, как это ни печально, но факт: в последние годы в Японии резко снизился интерес к изучению России, ее истории, культуры, искусства, наконец, русского языка. Так что число востребованных специалистов этих специальностей здесь заметно сократилось, число студентов-русистов тоже, да и возраст наших давних партнеров по совместной работе не позволяет рассуждать о далеко идущих планах. Все это необычайно грустно. И, тем не менее, договор с «Хосэй» продлен, предварительные договоренности о следующих шагах сотрудничества достигнуты и т.д. В общем, научные обмены продолжаются, правда, надо серьезно подумать об их расширении.

ВГ: Как живёт и работает сегодня Центр японских исследований ИВ РАН, который вы возглавили в 2016 году?

ЕК: В 1916 году не стало Э.В. Молодяковой, и перед своей смертью она оставила мне, замещавшей ее в то время, свой последний наказ: продолжить ее дело и возглавить Центр японских исследований. Такое доверие искренне тронуло меня, и я отнеслась к ее словам как к почетному, но весьма ответственному и трудному поручению: управлять людьми я не привыкла, не умею и не люблю. Однако я понимала, что кто-то все-таки должен взять на себя эту непростую миссию, и, в конце концов, согласилась. Вернее, был объявлен конкурс на замещение этой должности, и я приняла в нем участие. Теперь все проблемы Центра стали моей болью, а успехи моей радостью.

Начнем с проблем, и, конечно же, первой из них является кадровая. Дело в том, что наш Центр – одно из старейших и базовых подразделений нашего Института, где в разные годы работали практически все ведущие советские и российские японоведы, такие как: академики *Н.И. Конрад* и *Е.М.*

*Жуков*⁷³, д.и.н. *Попов К.А.*⁷⁴, д.и.н. *Подпалова Г.И.*⁷⁵, д.и.н. *Латышев И.А.*⁷⁶, д.ф.н. *Гришелева Л.Д.*, д.ф.н. *Чегодарь Н.И.* и др. – одним словом, весь цвет отечественной японоведческой науки. Причем, в лучшие годы численный состав Центра достигал 40 человек. Но что мы имеем на сегодняшний день? 16 научных сотрудников, включая пять совместителей, возраст – от 30 до 94 лет. Из них 6 докторов наук, 7 кандидатов. Явно ощущается нехватка молодых высокопрофессиональных кадров и, увы, достойного финансирования.

Правда, к чести нашего малочисленного коллектива, должна отметить, что мы работаем много, достаточно продуктивно и творчески. Не буду перечислять названия книг, которые наш Центр выпустил за последние годы. Поверьте, их немало. Добавлю лишь, что наша научная продукция разнообразна по своей тематике и отражает самые значительные события в развитии современной Японии, будь то история, культура, политика, экономика и современное искусство. Ориентируясь, главным образом, на современность, мы вместе с тем продолжаем развивать и классические направления исследований по изучению средневекового японского общества, религии, философии. И это тоже сохранение традиций наших учителей.

ВГ: Насколько отличается от прошлого работа сегодняшнего центра?

ЕК: Скажу честно, что объём научных исследований и их охват сегодня разительно отличается от того, что практиковалось в советской науке, не говоря уже о методологических подходах. Особо значимы работы, написанные на стыке нескольких дисциплин. И они всячески приветствуются в нашем Центре. Думаю, что мы совершили в этом отношении шаг вперед по сравнению с нашими предшественниками. Более того, почти 30 лет назад мы создали Общероссийскую ассоциацию японоведов, которая оказывает весьма

---

⁷³ *Жуков Евгений Михайлович* (1907–1980). Историк, академик. Окончил яп. отделение (1927) и аспирантуру (1929) Ленинградского восточного института. Сотрудник, замдиректора ИВ АН СССР (1950–1953), директор Института всеобщей истории (1968–1979).

⁷⁴ *Попов Константин Алексеевич* (1903–1990). Японовед, д.ф.н., сотрудник ИВ АН СССР, исследователь и переводчик древних японских памятников.

⁷⁵ *Подпалова Галина Ивановна* (1904–1994). Японовед, переводчик, д.и.н. Окончила востфак Дальневосточного университета (1929), ученица Г.Е. Спальвина. Автор трудов по ист. и политическим проблемам соврем. Японии, сотрудник ИВ РАН.

⁷⁶ *Латышев Игорь Александрович* (1925–2006). Японовед, д.и.н. В 1949 г. Окончил Восточное отделение МИВ (1949). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1952), Зав. отделом Японии ИВ АН СССР (1979–1986). Корреспондент газеты «Правда» в Японии (1957–1962, 1973–1978, 1987–1991). Автор 7 книг по проблемам Японии.

ощутимую помощь, как в поддержании и расширении контактов между японоведами нашей страны, а также с нашими зарубежными коллегами, так и проведении симпозиумов, лекций, издания книг. По-прежнему мы издаем наш традиционный Ежегодник «Япония», учредителем которого стал Институт востоковедения РАН более 50 лет тому назад. А вот сравнительно новое явление – это электронный журнал «Японские исследования», который вошел в список Web of science. Но это лишь отдельные моменты, из которых складывается наша каждодневная научная жизнь.

ВГ: Вы тепло вспоминаете о Молодяковой Э.В.? Кто ещё из старших коллег-японистов вызывает особенно тёплые чувства и профессиональный пиетет?

ЕК: Я уже вспоминала, хотя и вскользь, о Иоффе И.Л., Григорьевой Т.П., Маркарьян С.Б. и других моих учителях и старших коллегах, не говоря уже о Конраде Н.И. и других великих. А ещё хотелось бы вспомнить талантливого филолога *Громковскую Л.Л.*⁷⁷, которая всегда оказывала мне дружескую поддержку, замечательного культуролога Гришелеву Л.Д., чья монография «Формирование японской национальной культуры» стала моей настольной книгой. Ну, а из историков я всегда высоко ценила работы Саркисова К.О., *Молодякова В.Э.*⁷⁸ и *Славинского Б.Н.*⁷⁹, который ввёл в научный оборот огромный массив ранее неизвестных архивных документов, рассекреченных в 1990-е годы. Его работы во многом меняют наши оценки исторических событий довоенных и военных лет. Боюсь кого-либо пропустить, потому, что жизнь подарила мне радость общения со многими замечательными и талантливыми японоведами.

ВГ: Как вы оцениваете современное состояние российского японоведения, и с какими основными проблемами оно сталкивается?

ЕК: На этот вопрос можно ответить коротко и просто, а можно долго и подробно. Я предпочитаю первое. Состояние российского японоведения

---

⁷⁷ *Громковская Лидия Львовна* (1933–1994). Японовед, литературовед, к.ф.н., сотрудник ИВ АН СССР. Окончила востфак ЛГУ (1955). Переводила и публиковала стихи и прозу соврем. яп. писателей, собственные исследования (с 1962).

⁷⁸ *Молодяков Василий Элинархович* (1968 г.р.). Японовед, историк, политолог, культуролог. Специалист в области геополитики, истории межд. отн. 1-й половины XX в., новой и новейшей истории. К.и.н. (1996), д.полит.н. (2004). Автор десятков книг и сотен статей по истории рос.-яп. отношений, истории мировых войн, истории русской литературы.

⁷⁹ *Славинский Борин Николаевич* (1935–2003). Специалист в области межд. отн. и внешней политики России на Дальнем Востоке. К.техн.н. Зам. главред. журнала «Проблемы Дальнего Востока» (с 1988), автор ряда монографий, в кот. впервые опубликован большой массив рассекреченных архивных документов.

тесно связано с общим состоянием российской науки, и мы повседневно сталкиваемся с одним и теми же проблемами: недостаток финансирования, нехватка молодых кадров, сокращение контактов с нашими японскими коллегами и т.д. Тем не менее, российское японоведение живо, расширяется его география, становится все более разнообразной тематика исследований, растет число вузов, где обучаются будущие японоведы и т.д. В общем, есть немало оснований для оптимизма, хотя особо радужных красок я бы предпочла избежать.

ВГ: Занимаетесь ли вы чтением лекций и преподаванием?

ЕК: Время от времени, но на регулярной основе – нет. Как-то раньше не довелось этим заняться, а теперь, наверное, уже поздно.

ВГ: Есть ли у вас свои ученики, продолжатели начатых вами исследований?

ЕК: Учеников нет, а продолжатели есть и много. И дело не во мне, а в темах, которыми я занимаюсь, и которые уже сформировали целые новые направления в российской японоведческой науке. Они крайне интересны и важны для понимания Японии и выстраивания наших отношений с ней, а посему на этом поприще недостаточно усилий лишь одного человека. Откровенно говоря, мне как-то неловко об этом говорить, но вопросами японских военнопленных одной из первых довелось заняться именно мне и в теории, и на практике, а затем эту эстафету подхватили историки из других институтов и других регионов. Так что к настоящему времени создалась уже достаточно объемная историография этой проблемы и уже пора создать по примеру японцев общество исследователей «сибирского плена». То же самое могу сказать и о другом своем научном увлечении современной массовой культурой Японии. Опять же, мне повезло оказаться в первых рядах российских исследователей этой тематики, для продвижения которой в сферу науки пришлось преодолеть немало препятствий и сломать немало стереотипов. А сейчас уже трудно назвать точное число кандидатских диссертаций, в которых рассматриваются различные аспекты этого феномена. Так что уже настало время для общероссийских, а, может быть, и международных конференций по этим проблемам. В общем, я счастлива, что у меня есть единомышленники.

ВГ: Какие направления, темы и проблемы в японоведении требуют, на ваш взгляд, приоритетного внимания российских исследователей?

ЕК: Начнем без лишних предисловий. У нас много и интересно пишут о политике Японии, внутренней и внешней, но, к сожалению, в последнее время стали меньше уделять внимание изучению японской экономики, что в советское время было одним из приоритетных направлений в работе тогда

еще Отдела Японии. Более того, число японоведов-экономистов сегодня можно буквально пересчитать по пальцам. И такое положение не может не беспокоить. В годы перестройки при поддержке японской стороны в нашем Центре выпускалась в течение нескольких лет интересная и полезная серия брошюр под общим названием «Японский опыт для российских реформ». Мне представляется, что актуальность этой темы не исчезла и сегодня. Следующее направление, которое, на мой взгляд, недостаточно широко представлено в нашей работе, - это изучение самого японского общества, которое, с одной стороны, является хранителем старых многовековых традиций, а с другой, выразителем всех последних актуальных тенденций в мировом развитии. Прошлое и современность, Восток и Запад – эта дихотомия также продолжает сохраняться в Японии и по сей день. И на все это важно взглянуть глазами ученого, проанализировать эти сложные явления с современных позиций, впрочем, так же как и вопросы изменения национального сознания, общественного и индивидуального поведения японцев, такого сравнительно нового явления, как социальная изоляция, особенности демографической политики и т.д. Конечно, такого рода работы потребуют междисциплинарного подхода, но тем они и интересны. Теперь буквально два слова об истории советско-японских отношений. Настало время вновь обратиться к изучению материалов Токийского и Хабаровского процессов, скорректировать их исторические оценки и дать развернутые комментарии к их решениям вместе с публикацией ранее неизвестных материалов. И, наконец, большая и важная тема – это СССР и Япония в годы холодной войны, которую следует подробно исследовать с привлечением большого массива недавно рассекреченных архивных документов. Я уже не говорю о своей давней мечте написать историю послевоенной японской культуры и т.д. В общем, фронт работы в российском японоведении огромный.

ВГ: Путь любого учёного в науке начинается с первой публикации. Помните ли вы свою первую публикацию?

ЕК: В те годы первые научные публикации были, как правило, связаны с конференциями молодых учёных. Я хорошо помню своё первое ещё студенческое выступление в Институте востоковедения на тему «Влияние эстетики художников-импрессионистов на литературный стиль Танидзаки Дзюньитиро» – оно получило положительные отзывы и было опубликовано в сборнике работ аспирантов и молодых учёных где-то в середине 1970-х гг. Откровенно говоря, сейчас бы я что-то переделала или вовсе написала по-другому. Но тогда я только начинала постигать тонкости японского

искусства, впервые прочитала об увлечении французских художников-импрессионистов японской гравюрой и увлеклась этой темой. Но всё-таки своей первой самостоятельной научной статьей я считаю публикацию в журнале «Проблемы дальнего Востока», посвященной благотворительной деятельности крупных корпораций. По-моему, она так и называлась «Японские корпорации-меценаты» и была опубликована в 1988 г.⁸⁰ Тогда это казалось огромным и чуть ли не самым радостным событием в моей жизни, а сейчас, как видите, сразу не могу вспомнить год издания. Надо поискать этот журнал!

ВГ: Что вы считаете своим самым главным достижением в науке? Что не получилось в научном плане и вызывает сожаление?

ЕК: Когда меня спрашивают о моём самом главном достижении в науке, честно говоря, я чувствую какой-то душевный дискомфорт. Думаю, такие оценки больше применимы к физикам, биологам, химикам и представителям других естественных наук, изобретающим вакцины, запускающим ракеты в космос и т.д. Гуманитарии – люди другого склада, и научный инструментарий у нас другой. Поэтому я бы переформулировала ваш вопрос так: какую практическую значимость для людей имели ваши научные исследования? И тогда бы я однозначно указала на проблему японских военнопленных, изучение которой имело, на мой взгляд, большое научное и практическое значение. Я имею в виду освещение ранее малоизвестных эпизодов в истории российско-японских отношений, которые продолжают заметно влиять на их современное состояние и общественный климат между нашими странами. А ещё, это судьбы тысяч людей – бывших военнопленных и их родственников, стоящих за теми историческими событиями. Я старалась думать и о них, помогая в поисках имён без вести пропавших, мест их захоронений, в вопросах реабилитации, получения компенсации и др. Так что, наверное, это – самое главное, что мне удалось совершить в моей жизни и с точки зрения учёного, и с точки зрения просто человека.

Ну, а что касается сожаления, то я не люблю незаконченности в работе. К счастью, у меня такого практически не случалось. У меня нет недописанных и неопубликованных статей или книг, каких-то замыслов, отложенных в долгий ящик. Не могу припомнить также, чтобы я отказывалась от своих идей или оценок. Единственно, о чём могу сожалеть, что, защитив кандидатскую диссертацию о творчестве Танидзаки

---

⁸⁰ Катасонова Е.Л. Японские корпорации-меценаты // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 6. С. 33-45.

Дзюньитиро и став его первым исследователем у нас в стране, я отказалась от предложения написать и издать о нём книгу. А теперь уже поздно! Об этом писателе много написано, его основные произведения переведены на русский язык, да и я, как говорится, уже не в теме. Но на то были свои обстоятельства.

ВГ: Почему российское японоведение испытывает дефицит молодых учёных?

ЕК: Я думаю, что это непосредственно связано с теми проблемами в российской науке в целом, и японоведении, в частности, о чем я уже говорила. А главное, наверное, необходимо поднять престиж науки и ученого, как в старые добрые времена.

ВГ: Что вы можете и хотите пожелать молодым японоведам и востоковедам?

ЕК: Хочу сказать о том, что, несмотря на трудности и существующие в науке проблемы, вы живете в прекрасное время. Изучение Японии и японского языка теперь доступно буквально каждому, в каком бы регионе вы не проживали бы. Интернет – всегда под рукой, а, значит, пускай не всегда достоверная, но подробная и полезная информации о Японии всегда в вашем распоряжении. Я уже не говорю, о тех многочисленных книгах и брошюрах, которые мы написали для вас. Поездки в Японию также уже не кажутся неосуществимой мечтой. Не буду продолжать дальше, вы – счастливики, и должны обязательно воспользоваться этими прекрасными возможностями! Но только, пожалуйста, не говорите: «Это – не моя тема» или «Мы это не изучали». Японисты должны быть людьми, хорошо знающими эту страну, ее историю, культуру, политику, экономику и т.д. интересующимися всем и вся. Всё, связанное с Японией, должно быть вам одинаково интересно и важно. А еще больше занимайтесь собственным развитием, читайте, пишите, придумывайте новое и интересное, и дерзайте! Успехов!

ВГ: Домо аригато! Большое спасибо за ваше интервью!